

С. Ю. Королёва^а

<https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

✉ petel@yandex.ru

М. А. Тихонова^а

<https://orcid.org/0000-0001-9198-2705>

✉ novatikho@gmail.com

^а Институт славяноведения РАН (Россия, Москва)

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В РУКОПИСНЫХ ПОМИНАЛЬНЫХ ТЕТРАДЯХ (ТРАДИЦИЯ РУССКО- КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ПОГРАНИЧЬЯ)

Аннотация. Духовные стихи нередко включаются в сферу похоронно-поминальной обрядности. Одна из тенденций их современного бытования — перевод «звучащих» произведений в письменную форму. Дискуссионным остается вопрос, могут ли поминальные тетради обладать таким выраженным своеобразием, которое позволяло бы говорить о наличии особых локальных или региональных рукописных традиций. В статье описываются современные рукописные сборники, функционирующие в зоне активных русско-коми-пермяцких контактов. Материалом послужили 29 собраний, из которых подробно анализируются пять. Специфика поминальных тетрадей проявляется в типичном наборе духовных стихов, сопутствующих жанрах, выборе заглавий, допустимых формах записи (в столбик / в строку). Большая часть сборников включает не только духовные стихи, но и молитвы, становясь своего рода вернакулярными молитвословами. В коми-пермяцких тетрадях чаще, чем в русских, происходит расширение традиционного набора стихов за счет новых и новейших. Типичные названия стихов включают указание на жанр, на место в обряде, на основных персонажей, на первую строчку или ее ключевое слово. Элементы письменной формы приобретают собственное дополнительное содержание, становятся конвенциональными и воспроизводятся внутри локальных сообществ.

Ключевые слова: Коми-Пермяцкий округ, славяно-неславянское пограничье, похоронно-поминальный обряд, духовные стихи, поминальная тетрадь, современная рукописная традиция

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, проект «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484>).

Для цитирования: Королёва С. Ю., Тихонова М. А. Духовные стихи в рукописных поминальных тетрадях (традиция русско-коми-пермяцкого пограничья) // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 128–162.

Поступило 23 ноября 2023 г.; принято 4 июня 2024 г.



S. Yu. Korolyova^a

<https://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

✉ petel@yandex.ru

M. A. Tikhonova^a

<https://orcid.org/0000-0001-9198-2705>

✉ novatikho@gmail.com

^a *Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

SPIRITUAL VERSES IN HANDWRITTEN MEMORIAL NOTEBOOKS (TRADITION OF THE RUSSIAN-KOMI-PERMYAK BORDERLAND)

Abstract. Folk religious poetry is quite often included in the sphere of funeral and memorial rites. Singers of spiritual verses often write them down in special “memorial” notebooks, which they use during performances. There is a controversial issue that has not yet been resolved. Do written collections existing in different territories display such a noticeable originality that would allow us to assert the presence of special local or regional manuscript traditions? In this article, the author characterizes memorial notebooks that arose in the Middle Urals, in the zone of active Russian-Komi-Permyak contacts, where Russian-Yurlinians and Kochev Komi-Permyaks live. A collection of 29 manuscripts serves as our material, of which 5 are analyzed in detail. The specificity of memorial notebooks is manifested in a typical set of spiritual poems, accompanying genres, choice of titles, acceptable forms of writing (with or without division into poetic lines), etc. Most of these handwritten notebooks include not only spiritual verses, but also prayers, essentially becoming “vernacular prayer books”. Typical poem titles include a mention of genre; indicate a place in the ritual; name the main characters; repeat the first line or its keyword. In Komi-Permyak notebooks, more often than in Russian ones, the traditional set of poems is expanded by including new verses. The “horizontal” organization of the text here becomes one of two conventional ways of writing spiritual verses. Elements of the written form acquire additional content, they become conventional and are reproduced within the community.

Keywords: Komi-Permyak District, Slavic-non-Slavic borderland, funeral and memorial rites, spiritual verses, handwritten memorial notebook, contemporary manuscript tradition

Acknowledgements. This paper was financially supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00484, “Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage” (<https://rscf.ru/project/22-18-00484>).

To cite this article: Korolyova, S. Yu., & Tikhonova, M. A. (2024). Spiritual verses in handwritten memorial notebooks (tradition of the Russian-Komi-Permyak borderland). *Shagi / Steps*, 10(3), 128–162. (In Russian).

Received November 23, 2023; accepted June 4 2024

Название «поминальная тетрадь» не является общепринятым, однако оно вполне понятно тем, кто занимается современной рукописной традицией. «Тетрадочки» с молитвами и текстами других жанров — важный атрибут ритуальных специалистов¹ (*читальщиц, читалок, богомолок, молелок, монашек, певчих, старушек, бабушек, попов* и т. п.) — пожилых людей, помогающих осуществлять похороны, поминовения и иные обряды [Данченкова 2003: 187–192; Пашина 2008: 40–41; Карвале́йру 2012: 599–601]. В подборках религиозных текстов, которые они для себя составляют, встречаются и духовные стихи.

Включение этого жанра в обрядовую сферу, связанную со смертью и поминовением, известно как минимум с XIX в., при этом постепенное расширение жанровых функций, по-видимому, началось еще раньше [Косятова 2012: 15–17; Мурашова 2020: 187–188, 225; Юровская 2022: 28]. Процесс активизировался в советское время, когда с помощью песен религиозного содержания компенсировались вынужденное отсутствие или значительная редукция собственно церковной составляющей в обряде. Исполнение духовных стихов во время похорон и поминовений зафиксировано во множестве регионов: в Поволжье [Сверлова 2006; Твердохлеб 2017: 116–177], на Урале [Никитина 1982: 119; 1993: 254; 2013: 47; Поздеева 2007: 26; Юровская 2017 и 2022], в Сибири [Жимулева 2008]². Во второй половине XX — начале XXI в. широкое распространение получили запись внебогослужебных духовных текстов и их пение в ходе обряда «по тетрадам». Такой способ сохранения и исполнения стихов известен коренному населению Полесья [Никитина 1993: 250, 254; 2013: 211–212; 2014: 58], жителям Смоленщины [Ивашина 2009; Панова, Теплова 2020: 5–6], калужско-брянского пограничья [Косятова 2012: 19–20, 27], Вологодской, Костромской [Кулев, Балакшина 2000: 5–9, 65–67; Кувшинская, Заикина 2022: 8, 11; 2023: 272–273, 284–288, 300], Владимирской, Саратовской, Нижегородской и Ульяновской областей [Ипполитова 2008:

¹ В научной литературе используются близкие понятия «сакральный специалист» и «религиозный специалист» [Левкиевская 2020: 215, 217], в англоязычной этнологии — «народный православный специалист» (folk Orthodox specialist) [Leete, Koosa 2023: 18]. С некоторыми оговорками можно говорить о фигуре ритуальных специалистов и применительно к старообрядческим общинам, прежде всего беспоповским, см. о таких личностях и их роли в сообществе: [Никитина 2013: 19, 27–29; Мурашова 2020: 146].

² По наблюдениям Е. В. Воронцовой, это чаще происходит на нестарообрядческих территориях и там, где старообрядческие традиции подверглись существенной эрозии [Воронцова 2015: 58].

82–83; Фадеева 2004: 372–373; Чадаева 2018: 148; Левкиевская 2018; 2023; Храмова 2008; Карвалейру 2012], Южного Урала [Рожкова 2012], Алтая [Сигарева 2018]. Практикуют его коми старообрядцы и православные на Верхней Вычегде, где народная религиозная лирика бытует на русском и коми языках [Чувьуров 2003; Прокуратова 2018: 459, 461]. Перевод звучащих произведений в рукописную форму является, таким образом, одной из ярко выраженных тенденций современного функционирования духовных стихов. На некоторых территориях этот процесс в разной степени продолжает традицию использования старинных рукописных и более поздних печатных стиховников (стихарников)³. Там же, где они отсутствовали, возникновение рукописных форм происходит как бы «с нуля» и, по-видимому, опирается на другие культурные модели. Перевод звучащего текста в письменный происходит тем естественнее, что духовный стих и по своей поэтике, и по функциям сохраняет тесную связь с церковно-книжными формами культуры. Это позволяет считать его одним из «полуписьменных» жанров [Косятова 2012: 20].

Обращаясь к современному письменному функционированию стихов (в том числе вне связи с похоронно-поминальным обрядом), исследователи отмечают его неравноценность звучащим произведениям. Записанные тексты неизбежно утрачивают такие параметры исполнения, как тембр, интонация, жесты, мимика и т. п. [Никитина 2014: 32; Сигарева 2018: 117–118]. В то же время рукописные формы содержат определенный «прирост» информации, однако касается она иных аспектов традиции. Записи, сделанные исполнителями для внутреннего использования, могут дать представление о постепенной трансформации языка старообрядческой письменности (в том числе в иноэтничном окружении [Потехина и др. 2010]); о составе рукописных собраний, где духовные стихи разных типов соседствуют с другими жанрами [Никитина 1993: 247–248; Ипполитова 2008; Воронцова 2015: 78–79, 84; Левкиевская 2018; Мороз 2022; Кувшинская, Заикина 2023: 284–299]; о принятом способе изготовления самодельных сборников [Сигарева 2018: 118–119] и их разновидностях [Мурашова 2005: 242]. Свою динамику имеет оформление рукописных стихарников, в частности характер рамочных элементов и наличие вставных жанров. Так, в первой трети XX в. на Русском Северо-Западе в сборниках духовных стихов обнаруживается влияние девичьих альбомов, которое затем сходит на нет [Мельников 2022]⁴. Очевидно, что принятые / допустимые в том или ином сообществе способы оформления письменных собраний песенного религиозного фольклора постепенно трансфор-

³ В разных регионах сборники духовных стихов могут называться как *стиховники*, так и *стихарники* [Никитина 2013: 100; Мурашова 2005: 241; Мельников 2022: 75]. Мы используем второе наименование, поскольку в традиции юрлинцев, о которой пойдет речь, есть лексемы *стихарничать*, *стихарить* — см. далее.

⁴ Единичные рифмованные концовочные формулы и шуточные приписки встречаются в рукописных сборниках псалмов и духовных стихов уже в середине XVIII в. [Бахтин 1996: 152].

мируются. Однако этот аспект лишь сравнительно недавно попал в поле зрения исследователей.

В соотношении устного и письменного функционирования духовных стихов есть и другие не вполне проясненные моменты. К их числу относится вопрос о том, могут ли письменные собрания, бытующие на определенных территориях, обладать таким выраженным своеобразием, которое позволяло бы говорить о наличии особых локальных или региональных рукописных традиций. Авторитетный исследователь духовных стихов С. Е. Никитина в работе 1993 г. высказывает предположение, что «письменная форма <...> не переходит в письменную традицию», поскольку трансмиссия духовных стихов продолжает осуществляться устным путем («записывают “для памяти”, но учат “с голоса”») [Никитина 2014: 32]). Там, где сохраняется устное исполнение народной религиозной поэзии, ее письменные формы, действительно, функционируют как дополнительные⁵. Однако на территориях с интенсивным бытованием рукописных поминальных «тетрадошек» эти дополнительные и/или вторичные формы могут приобретать ряд характерных особенностей, отличающих их от рукописных сборников других регионов. В таких случаях локальные / региональные традиции будут различаться не только «звучащими» духовными стихами, но и их письменными репрезентациями.

Параметры, по которым исследователи могут сопоставлять рукописную составляющую разных традиций, нуждаются в уточнении. Очевидно, что специфика «тетрадошек» проявляется в типичном наборе духовных стихов, сопутствующих жанрах, выборе заглавий, допустимых формах записи (с разделением на строки или без него), графических элементах и т. д. На сегодняшний день с этой точки зрения полнее всего рассмотрены рукописные традиции Смоленщины [Ивашина 2009: 115–119; Панова, Теплова 2020: 5–6] и еланско-терсянского украинского анклава в Нижнем Поволжье [Левкиевская 2023: 252–255]. В этой статье мы также сфокусируемся на особенностях письменного бытования духовных стихов и охарактеризуем поминальные тетради, принадлежащие одной из традиций Среднего Урала. Она сформировалась в Северном Прикамье, в зоне активных русско-коми-пермяцких контактов. Усложненная природа этой традиции делает ее особенно интересной для исследования, так как позволяет выявить некоторые дополнительные явления, возникающие в контактных зонах.

Ареал и материал исследования

Духовные стихи зафиксированы в различных частях Пермского края. Самый известный специалистам ареал — территория старообрядцев Верхотамья (см. о ней: [Никитина 1982: 112–121; 1993: 253–254; 2013; Поздеева 2007] и др.). Существует, однако, и другой очаг интенсивного бы-

⁵ Но они становятся основными, когда духовные стихи перестают петь, см. об одной из таких ситуаций: [Фадеева 2004: 369–374].

тования жанра. Он включает граничащие друг с другом Юрлинский и Кочёвский районы Коми-Пермяцкого округа. Традиция эта не упоминается в обобщающих работах о духовных стихах, что несколько неожиданно, поскольку она до сих пор является живой, а часть собранных материалов опубликована. Стихи русских-юрлинцев включены в три сборника [Бахматов и др. 2003: 150–206; 2008: 371–418], в том числе с нотацией [Успенская 2009]⁶. Издание русскоязычного религиозного фольклора кочёвских коми-пермяков представляет собой подборку текстов, в основном извлеченных из рукописных тетрадей [Четина, Роготнев 2010: 189–223]⁷; в 2023 г. появилась нотированная публикация пяти звучащих кочёвских духовных стихов [Жуланова 2023: 237–244].

Кратко охарактеризуем ареал распространения интересующей нас традиции (см. ил. 1). На формирование юрлинско-кочёвского пограничья как особой контактной зоны повлиял ряд факторов. Русские заселили эту территорию в XVII–XVIII вв. Компактно разместившись на территории современного Юрлинского района, они оказались в окружении инокультурных и иноязычных соседей-автохтонов — южных и северных коми-пермяков. «Островное» положение превращает сохранение архаичных культурно-языковых элементов в способ самоидентификации (при неизбежной интерференции соседствующих культур) [Плотникова 2016: 5–14; Левкиевская 2019: 518–520]. Все это справедливо и по отношению к русским-юрлинцам, с той оговоркой, что в их случае традиция культурного и языкового меньшинства была авторитетной и активно заимствовалась коми-пермяцким окружением [Черных 2013]. Заимствования эти, однако, распределялись неравномерно. Этномузыковед Н. И. Жуланова обнаружила, что фольклорные и обрядовые элементы мигрировали лишь в одну сторону — с юга на север, от русских-юрлинцев к кочёвским коми-пермякам, в то время как на южной границе «русского острова» этот процесс почти не развивался⁸. В результате при наличии четкого этнического и языкового рубежа «культурная граница» между юрлинцами и кочёвцами оказалась размыта: «Ряд деревень юрлинско-кочёвского пограничья (Усть-Зулинский с/совет Юрлинского района и Сепольский с/совет Кочёвского района) вместе образуют <...> переходную зону, где различия между репертуаром и стилем коми-пермяцких и русских носителей совсем незначительны» [Жуланова 1995: 82–83]. Выявленная тенденция

⁶ В сборник 2003 г. включено 35 текстов, в сборник 2008 г. — 45 записей юрлинских духовных стихов (новых и публикуемых повторно), некоторые из них отнесены составителями к причетам; в издании 2009 г. приведен 21 стих.

⁷ Письменную форму бытования имеет 21 из 25 опубликованных стихов.

⁸ Причины носили социально-экономический характер: южные (иньвенские) коми-пермяки были крепостными, тогда как юрлинцы и кочёвцы — государственными крестьянами, смешанные браки между ними не имели препятствий. Кроме того, Кочёвская и Юрлинская волости входили в один уезд — Чердынский [Бахматов и др. 2003: 6].

распространяется и на духовные стихи, бытующие здесь исключительно на русском языке в устной и письменной формах⁹.



Ил. 1. Ареал функционирования рукописных поминальных тетрадей

Fig. 1. Area of functioning of handwritten memorial notebooks

Важным фактором, способствующим развитию и сохранению этого жанра, является влияние старообрядческой культуры. На интересующей нас территории оно тоже ощутимо. В конце XIX в. в трех русских волостях — Юрлинской, Усть-Зулинской и Юмской — вместе с православными проживали единоверцы и старообрядцы [Бахматов и др. 2003: 13–14; Голева 2019]. Сегодня в Юрлинском районе сохраняется небольшой куст

⁹ В 2000-е годы Е. М. Четина и И. Ю. Роготнев зафиксировали бытование циклов духовных стихов в ряде сел и деревень Кочёвского района (Отопково, Пелым, Кочёво, Кышка, Сеполь, Кукушка, русская деревня Ташка; две последних деревни, расположенные ближе всего к границе с русским Юрлинским районом, специалисты считают основным «перевалочным» пунктом, через который русскоязычные духовные стихи распространялись среди северных коми-пермяков). Выяснилось, что по мере продвижения на север традиция подвергается редукции: в рукописных тетрадях из д. Отопково содержится уже меньше стихов, чем непосредственно на границе районов, в том числе отсутствует принципиально значимый для местной поминальной обрядности стих на сбор «котомочки» для умершего, которую подают как милостыню в 40-й день со дня смерти человека [Четина, Роготнев 2010: 216–217].

деревень (с центром в д. Дубровке), жители которых идентифицируют себя как староверов. В Кочёвском районе *кержаками* считали жителей Кукушки, Сеполя и других деревень, часть сведений о проживании здесь старообрядцев и единоверцев подтверждается документально [Голева 2019: 50, 53]. В целом же «старообрядческий след» в разной мере виден на территории практически всего Юрлинского и значительной части Кочёвского районов.

Развитую рукописную традицию исследователи обычно связывают именно с влиянием старообрядческой культуры, представители которой отличались более высокой степенью грамотности и нередко владели религиозными книгами, в том числе сборниками духовных стихов [Ипполитова 2008: 81; Рожкова 2012: 288]. Однако применительно к обследованной нами территории это утверждение оказывается несколько проблематичным. Ни в известных нам публикациях¹⁰, ни в наших полевых материалах пока не обнаружено упоминаний о том, что в юрлинско-кочёвском пограничье бытовали старообрядческие стихарники. Более того, именно в старообрядческом кусте юрлинских деревень отсутствует практика записи духовных стихов в тетради: там они продолжают исполняться по памяти. Хотя количество письменных собраний, выявленных в разных частях двух районов, заметно различается, эта разница, по-видимому, не связана напрямую с влиянием старообрядчества и имеет другую причину¹¹.

Наши полевые исследования, проведенные в Коми-Пермяцком округе в 2022–2023 гг., подтвердили наблюдения Н. И. Жулановой о характере распространения русскоязычного фольклора на юрлинско-кочёвском пограничье, а также позволили выяснить актуальное состояние похоронно-поминального фольклора. Специальное внимание было уделено функционированию рукописных поминальных тетрадей. Сбор сведений о них осуществляется сотрудниками Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Пермского государственного национального исследовательского университета с 2013 г., к настоящему времени в архиве содержатся фотокопии 29 рукописных собраний (тетрадей и разрозненных записей)¹². Из них 10 собраний относится к традиции юрлинцев, 17 — кочёвцев, еще два выявлено у косинских коми-пермяков. Общий корпус рукописных духовных стихов включает более 440 текстов.

Исследуя паралитургическую традицию украинского анклава в Саратовской области, Е. Е. Левкиевская [2018 и др.] использует для обозна-

¹⁰ Исследования начала 1980-х годов не выявили на этой территории никаких печатных и рукописных старообрядческих книг [Жуланова 2023: 228].

¹¹ Предполагается, что традиция коми-пермяцкого внебогослужебного пения могла быть связана с влиянием женского монастыря, существовавшего в с. Большая Коча [Жуланова 2023: 218]. Монастырь действительно мог сыграть свою роль в распространении религиозного фольклора. Однако нужно заметить, что очаг наиболее интенсивного функционирования духовных стихов располагается на 20 км южнее — в деревнях и селах на границе районов.

¹² Учесть все тетради с духовными стихами, имеющиеся в конкретном семейном архиве, не всегда возможно. Часть записей может храниться на отдельных листах. Поэтому мы считаем за одно собрание все письменные тексты, принадлежащие одному владельцу.

чения рукописных сборников с духовными стихами и молитвами вернакулярный термин «отпевальная» *тетрадь*. Характер юрлинско-кочёвской традиции заставил нас искать альтернативное обозначение. По отношению к домашней литии и панихиде здесь не используется термин *отпевание*, а тетради не именуются *отпевальными*; считается, что собственно церковное отпевание нельзя заменить, поэтому его стараются осуществить хотя бы заочно — иногда спустя значительное время после погребения. Стихи сейчас не исполняются во время бдения над умершим. Они звучат в день похорон и затем гораздо более активно исполняются в ходе обрядов поминального цикла. По этой причине мы называем используемые здесь рукописные тетради поминальными.

В ряде сел и деревень, где имелись или все еще имеются рукописные сборники, традиция пения духовных стихов постепенно угасает (таковы коми-пермяцкие деревни Кукушка, Кышка, Большой Пальник, русские село Усть-Зула, деревни Дубровка и Васькова) либо совсем исчезла (русская деревня Ташка). Действующие микролокальные центры бытования народной религиозной поэзии не всегда одновременно являются очагами функционирования рукописных тетрадей. Неожиданно для нас письменные формы не обнаружили в старообрядческом кусте деревень, где группа пожилых женщин до недавнего времени исполняла полный цикл песенного похоронно-поминального фольклора; в русской деревне Пож, известной своим обширным и устойчивым репертуаром, выявлена пока лишь одна активно используемая тетрадь.

Полевой выезд 2023 г. позволил охватить более 20 населенных пунктов¹³ и обнаружить актуальные центры рукописной традиции: на русской территории это с. Юрла, на коми-пермяцкой — с. Большая Коча, деревни Отопково и Сеполь (в двух последних письменные формы стихов бытуют особенно интенсивно). Были также уточнены границы ареала. На сегодняшний день севернее кочёвского с. Юкеево традиция исполнения стихов затухает или отсутствует. Значимые элементы похоронно-поминального обряда, которые ими обслуживаются (сбор на 40-й день со дня смерти «котомочки» для умершего), там редуцируются или исчезают. Нет их и в соседнем Косинском районе, где в рукописной форме бытуют фольклоризованные поминальные молитвы, а стихи представлены буквально единичными текстами позднего происхождения.

Сформированная в результате выездов коллекция — интереснейший материал для исследования. Но поскольку проанализировать весь корпус сразу не представляется возможным, в этой статье мы сосредоточились на «контрольной» его части — пяти рукописных собраниях, включающих

¹³ Кроме авторов статьи в полевом выезде 2023 г. участвовали Е. М. Матвеева, Ю. А. Шкураток, М. А. Брюханова, А. В. Королёв, Е. В. Юсупова, А. А. Коровушкина, Т. В. Напольских. Значительную помощь в организации полевых исследований оказали Н. И. Чугайнова (с. Кочёво), А. И. Теплоухова и И. В. Гагарин (с. Большая Коча), А. Ю. и С. А. Пятковские (с. Юрла), Л. И. Федосеева (с. Пуксиб), которым мы выражаем самую искреннюю благодарность.

102 духовных стиха¹⁴. Одно из них обнаружено в с. Юрла (микроочаг на русской территории), остальные четыре происходят из деревень, образующих наиболее вероятный в прошлом канал распространения традиции от русских к коми-пермякам: русская деревня Пож в Юрлинском районе — русская деревня Ташка в Кочёвском районе — коми-пермяцкая деревня Сеполь (все три относились к Усть-Зулинской волости и к началу XX в. составляли приход храма в с. Усть-Зула) — коми-пермяцкая деревня Кукушка (входила в соседнюю Кочёвскую волость). Выбранные нами для анализа рукописные тетради принадлежат бывшим или действующим ритуальным специалистам¹⁵, так что их содержание обусловлено прежде всего нуждами похоронно-поминального обряда. От владельцев записаны подробные комментарии об использовании тетрадей и включенных в них текстов.

Происхождение, жанровый состав и использование поминальных тетрадей

Русские-юрлинцы обозначают песни религиозного содержания словом *стих*, мн. ч. *стихи* («Первый стих поем мы “За спасибо”, как усопший обращается к родне своей»; «Стихи же трудно петь. Их вытягивать надо!», д. Пож), реже — *духовные стихи* (д. Ташка)¹⁶. У кочёвских коми-пермяков названием служит русское заимствование *стик*, мн. ч. *стиккез*; в речи на русском языке — *стик*, *стих*, мн. ч. *стики*, *стихи* («“Спасибо вам, родные, помянули вы меня” — поют, когда у умершего день рождения. <...> Это стик, а не молитва»; «У меня записаны эти, стики, вот», д. Кукушка), некоторые из произведений пожилые исполнительницы считают молитвами («“Ино, Господи, прости же, ино, Господи, прости”. [Соб.: Это молитва или стих?] А почему не молитва? Молитва», д. Кукушка)¹⁷. У юрлинцев исполнение духовных стихов называется *стихárничать*, *стихáрить* [Подюков и др. 2020: 220]. Типичность этих жанровых обозначений подтверждают надписи на обложках рукописных тетрадей: рус. «Стихи божественные» (д. Ташка), «Стихи (с поминок)», «Стихи и молитвы» (д. Сергеева); коми-перм. «Молитвы. Стихи» (д. Сеполь), «Молитвы» (с. Пелым). Собственные названия могут иметь разделы рукописных сборников: «Стихи»

¹⁴ Часть исследователей отделяет от «старших» (эпических) и «младших» («покаянных», «поминальных») стихов новые и новейшие (в том числе авторские) произведения для духовного внебогослужебного пения, которые предлагают называть религиозными песнями [Сверлова 2006: 11; Чадаева 2018: 145; Панова, Теплова 2020: 4, 6]. Мы используем понятие «духовные стихи» как наиболее общее и применимое ко всем этим разновидностям.

¹⁵ По этой причине из подробного анализа исключены два собрания, обнаруженные в 2013 г. в с. Усть-Зула: географически оно является частью интересующего нас «транзитного пути», но тетради не принадлежат ритуальным специалистам. Пожилая жительница, которая на момент обследования Усть-Зулы выполняла эту функцию, исполняла стихи по памяти (см. о ней: [Королёва, Тихонова 2023]).

¹⁶ Название «духовные стихи» появилось, возможно, под влиянием общения с исследователями-фольклористами, а также сборников юрлинского фольклора, вышедших 15–20 лет назад.

¹⁷ Ср. данные в [Жуланова 2023: 222].

(с. Усть-Зула), «Духовные стихи» (д. Пож), «Религиозные стихи» (д. Сергеева). Лексема *стих* часто фигурирует в названиях конкретных произведений (см. об этом далее).

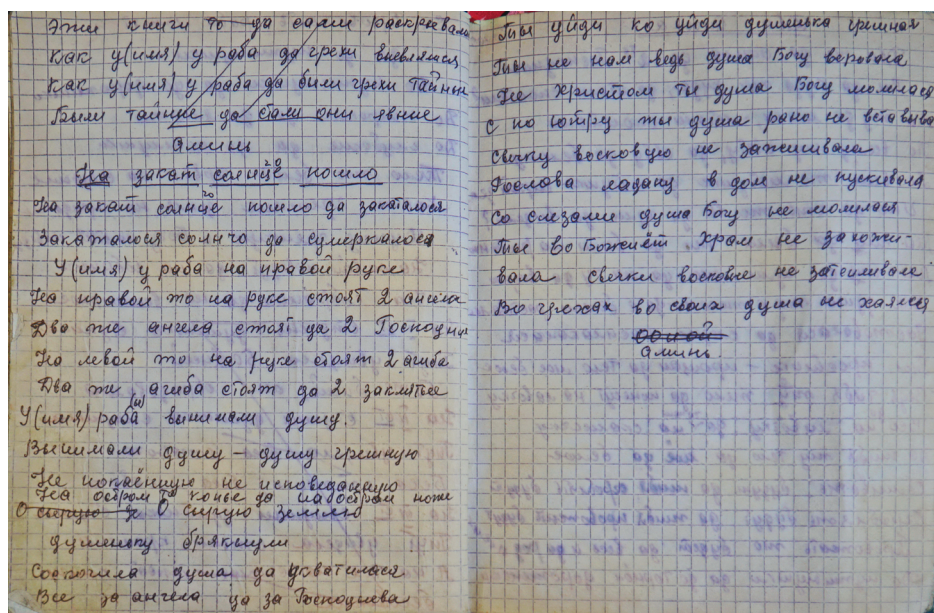
Первая из поминальных тетрадей происходит из с. Юрла, ее владелица — РИТ, 1941 г. р., православная¹⁸; на момент знакомства с собирателями в 2014 г. односельчане и жители окрестных деревень часто приглашали ее на похороны и поминки. В своей практике кроме тонкой тетради РИТ использует печатный молитвослов с «Молитвами утренними», которые во время домашнего моления предшествуют духовным стихам и перемежаются ими. Печатные и рукописные молитвы, как и некоторые стихи, пронумерованы, что позволяет женщине соблюдать порядок их исполнения. Всего в тетради РИТ содержится 18 духовных стихов (сюжеты семи из них обнаруживаются в других анализируемых здесь собраниях)¹⁹. Эти стихи переписаны у односельчанки, которая, в свою очередь, в начале 2000-х годов переняла их предположительно из с. Усть-Зула: «А она не знаю, откуда училась. <...> Скорее всего, от бабушек в Зуле, наверное. Она зулинская родиной-то» [РИТ]. Кроме стихов рукописная тетрадь включает набор молитв, в основном поминальных, часть которых значительно фольклоризована (в их основе — тропарь на Вселенскую поминальную субботу, фрагменты панихиды, «Молитва о всех умерших», «Молитва в день рождения» и др.).

Вторая тетрадь (см. ил. 2) включает тексты, бытующие в микролокальной традиции юрлинской деревни Пож, которая, наряду с Юрлой и Усть-Зулой, считается историческим центром распространения русской традиции эпического пения [Жуланова 2001: 6]. Сборник включает 11 сюжетов (семь совпадают со стихами из прочих собраний). Репертуар пожинских песенниц и ритуальных специалистов до сих пор содержит «старшие» духовные стихи, в других местах все больше вытесняемые поздними силлабо-тоническими произведениями. Тетрадь принадлежит ВПС, 1949 г. р., активной участнице фольклорного коллектива «Калинушка» и одновременно *учёной* (этот диалектный обрядовый термин обозначает ритуального специалиста, способного «читать по книге» Псалтирь, литию, панихиду). Общая тетрадь с записями досталась ей от старшей *учёной* АМП, 1937 г. р., которая более 20 лет «читала» по умершим, а также стояла у истоков «Калинушки». Совмещение концертной и обрядовой деятельности привело к созданию собрания, имеющего специфическую прагматику: в него включены местные песни (календарно приуроченные, свадебные, плясовые и др., всего около 50) для разучивания с ансамблем. Раздел «Ду-

¹⁸ РИТ родилась в д. Панькова (13 км от Юрлы), которая вместе с Дубровкой, Васьковой, Зарубиной и Подкиной относится к старообрядческому кусту деревень [Голева 2019: 56]. По воспоминаниям рассказчицы, когда-то в Паньковой жили *кержаки* и *мирские* (исповедующие официальное православие). Семья РИТ была «мирской», при этом в детстве ее крестила дома *бабушка-монашка* из старообрядческой д. Васькова.

¹⁹ Мы включаем в подсчет важный для юрлинско-кочёвского пограничья групповой причет с устойчивым текстом «Ты прости-ка, прощай...» (см. № 11). Другие тексты этого жанра почти никогда не попадают в рукописные тетради.

ховные стихи» помещен в конце репертуарного сборника, что нетипично для юрлинско-кочёвской традиции, где религиозные тексты почти никогда не смешиваются с «обычными» песнями.



Ил. 2. Страницы тетради из д. Позж

Fig. 2. Notebook pages from the village Pozh

Третье рукописное собрание принадлежит жительнице русской деревни Ташка ЛВК, 1955 г. р. Хотя сегодня деревня входит в состав Кочёвского района, она является частью юрлинского «русского острова». По воспоминаниям жителей, раньше на престольные праздники в Ташку приходили жители соседних русских и смешанных деревень Сальниково, Боголюбово, Уржа. На церковных праздниках было место и духовным стихам:

Придут в гости-то, кто кому родня, там и сидели. Соберутся бабушки-те, сидят да поют. Они стихи пели, стихи, но, эти бабушки-те, которые соблюдали <...>. Старинные, без гармошки, без всего пели [песни] и стихи. <...> Хорошо тянули стихи они, много, а шас ведь не знаем стихи-те [ЛВК].

Их наша собеседница переписала у пожилых родственников и односельчанок, но, поскольку не освоила манеру исполнения, то в ходе обряда просто зачитывает тексты по тетрадам. Собрание ЛВК включает два рукописных сборника. Духовные стихи выделены в отдельную тонкую тетрадь под названием «Стихи божественные», она насчитывает 14 текстов (из них с другими записями «контрольного» корпуса совпадает 10). В толстой тетради содержатся лишь два духовных стиха, основное ее со-

держание составляют религиозные тексты других жанров: «Канон за еди-но умершего»²⁰; раздел с молитвами («Воскрестная молитва», «Живые помощи», «Молитва для детей от уроков» (заговор), «Молитва утренняя», «Вечерняя молитва»); помянник с именами покойных родственников «Родные умершие»; «Канон за умерших общих»; «Исповедание грехов перед Духовным отцом» (подобные тексты встречаются и в других тетра-дах из нашей коллекции); молитвы на разные случаи жизни («За здраве моих детей», «Молитва от пьянок») и заговоры. Дополнительно к тетрадам ЛВК использует печатный молитвослов.

Четвертая тетрадь происходит из коми-пермяцкой деревни Сеполь Кочёвского района. Ее владелицу ТИЧ, 1939 г. р., местные жители ува-жительно называют *богомолкой*. Отойдя от активной обрядовой деятель-ности, она подготовила себе замену — группу женщин, продолжающих поддерживать вернакулярный похоронно-поминальный обряд. Все они владеют рукописными тетрадями, содержание которых в той или иной мере восходит к собранию ТИЧ, второму по величине в нашей коллекции (эту тетрадь как по-своему уникальную выделяют и другие исследовате-ли [Жуланова 2023: 229–231]). По словам собеседницы, ее приобщение к обрядовой деятельности началось рано, в 17–19 лет, благодаря *боговер-ной* бабушке и другим пожилым женщинам. Записывать молитвы и стихи ТИЧ начала самостоятельно, чтоб лучше запомнить:

Поют сами. Хочешь схватывай, хочешь нет. А я потихоньку всё, где-то вот напишу, где-то приду домой да напишу, тогда память-то еще ведь была. Вот так я всё схватывала [ТИЧ].

Ее рукописная тетрадь имеет сложную структуру: она открывается раз-делом «Поминальник» с начальными молитвами, далее следуют «Утрен-ние молитвы»; в отдельный раздел выделены 23 духовных стиха, частично пронумерованных; за ними следует «Акафист за усопших», после кото-рого записано 11 духовных стихов и несколько молитв. Еще два стиха со-держатся на вложенном в тетрадь листе. Таким образом, собрание ТИЧ насчитывает 36 текстов духовных стихов (20 из них имеют параллели в других анализируемых тетрадях). Значительная часть текстов, в основном современных, переписана владелицей из разных источников «про запас»: к некоторым из них она подобрала мотив и стала исполнять в ходе обряда, прочие в свободное время читает «для себя»²¹.

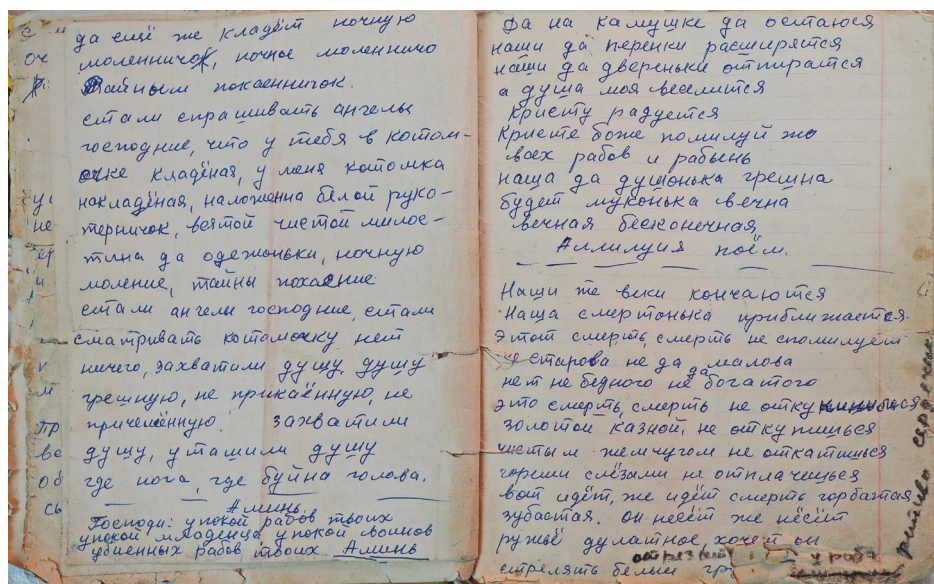
Пятая тетрадь хранится в д. Кукушка Кочёвского района (см. ил. 3)²². Это еще одна деревня, обладающая яркой микролокальной фольклорной традицией. Тетрадь является частью объемного рукописного собрания,

²⁰ Здесь и далее при цитировании сохраняется авторское написание.

²¹ По сообщению Н. И. Жулановой, у ТИЧ хранятся еще две тонких тетради со стихами, полученные от родственницы из д. Кукушка [Жуланова 2023: 230]. С ними нам ознакомиться не удалось.

²² Выражаем признательность этнографу А. В. Черных, этномузыкологам Н. Г. Ко-жановой и О. С. Сивкову за возможность ознакомиться с фотокопиями этой тетради и использовать их в исследовании.

принадлежащего ДВА, 1936 г. р., в прошлом активной участнице этнографического ансамбля «Кукушка». Кроме записей религиозных текстов собрание включает три репертуарных песенника — тетради с частушками, лирическими и свадебными песнями на русском и коми-пермяцком языках (всего более 80 песенных текстов). В отличие от песенников, созданных хозяйкой, сборник духовных стихов достался ей уже в готовом виде от первой руководительницы ансамбля ТРВ, 1926 г. р. (см. о ней: [Жуланова 2023: 228]). Тетрадь является примером моножанрового сборника: она содержит 23 духовных стиха (18 из которых совпадают с сюжетами анализируемого «контрольного» корпуса). На момент нашей беседы в 2022 г. ДВА из-за преклонного возраста уже не посещала похороны и поминки, тем не менее хорошо помнила каждый духовный стих и его место в обряде. По ее сообщению, некоторые из произведений существуют в Кукушке лишь в рукописном виде и не исполняются как песни. Любопытно, что распечатанные фотокопии тетрадей ДВА хранятся у более молодой жительницы деревни, ТИП, 1954 г. р., которая не является ритуальным специалистом, но проявляет интерес к похоронно-поминальной обрядности и обрядовой поэзии. Стихи она не поет, а использует как чтение «для души».



Ил. 3. Страницы тетради из д. Кукушка

Fig. 3. Notebook pages from the village Kukushka

Все эти примеры нужны, чтобы, с одной стороны, дать более четкое представление о некоторых особенностях юрлинско-кочёвских поминальных тетрадей, а с другой — показать, как в них проявляются тенденции, лучше заметные на широком материале. Большая часть рукописных собраний включает в себя не только духовные стихи, но и молитвенные

тексты, иногда в значительном количестве; под несколькими обложками встречаются заговоры. В известном нам виде такие тетради сложились в условиях недоступности печатных молитвословов и, по-видимому, были призваны компенсировать их отсутствие. Иногда рукописное собрание включает две-три тетради, где в одних численно преобладают стихи, а в других — молитвы (рус.: села Юрла, Усть-Зула, деревни Сергеева и Липухина; коми-перм.: с. Пелым). Подобные комбинированные собрания (молитвослов + сборник стихов) встречаются как у русских, так и у коми-пермяков.

На коми-пермяцкой территории обнаруживаются также отдельные моножанровые собрания, включающие только духовные стихи (в тетради могут быть вложены листы с единичными молитвами) (села Сеполь, Большая Коча, деревни Кукушка, Сизово, Отопково). Учитывая, что во всех тетрадях тексты записаны письменными буквами с ориентацией на современную орфографию, можно полагать, что моделью для таких сборников послужили не стихарники, а рукописные песенники советского времени. Стихи собраны в отдельные тетради по причине их принадлежности к религиозно-обрядовой сфере и наличия более высокого статуса, чем у обычных песен. Кроме того, использовать специальные «тетрадошки» в ходе ритуала удобнее, чем песенники со смешанным составом.

Выявлено несколько случаев окказиональных сочетаний жанров. В одной из русских тетрадей стихам предшествуют хозяйственные советы; несколько стихов включено в песенник с традиционными местными песнями (с. Усть-Зула). В собрании из пос. Усть-Пышья духовные стихи вообще отсутствуют, вместо них перед началом трапезы на 40-й день читался длинный апокриф «Сон Богородицы». В кочёвской тетради из д. Большой Пальник собрание молитв и стихов открывает уникальный список почитаемых мест и престольных праздников, которые нужно называть во время коми-пермяцкого гадального обряда *черёшлан*. Заметным своеобразием отличается рукописная традиция кочёвской деревни Отопково, расположенной в северо-восточной части района в некоторой изоляции. Кроме отсутствия важного стиха на сбор «котомочки» она выделяется тем, что включает в основном позднейшие стихи. В состав большинства тетрадей входят развернутые поминальные списки с именами умерших родственников (помянники), что на других территориях встречается не так последовательно.

Количество рукописных собраний, обнаруженных у русских-юрлинцев и кочёвских коми-пермяков, не равно: в Кочёвском районе их в полтора раза больше (10 и 17 соответственно). Причина более интенсивного бытования поминальных тетрадей на этой территории неясна. Возможно, отчасти она связана с тем, что взаимодействие русских и коми-пермяков с русскоязычным религиозным фольклором асимметрично: юрлинцы остаются в стихии родного языка, тогда как кочёвцы оказываются в ситуации языкового и фольклорного билингвизма. Вплоть до конца 1990-х — начала 2000-х годов были живы пожилые коми-пермячки, неуверенно владевшие

русской речью. При этом поминальные стихи и молитвы на чужом для них языке считались важной частью обряда²³. Для лучшего запоминания и передачи сакрализованных текстов коми-пермяцкие ритуальные специалисты могли записывать их несколько чаще, чем русские, для которых смысл похоронно-поминальной поэзии был более понятным.

Набор и количество стихов, которые встречаются в юрлинских и кочёвских поминальных тетрадах, тоже имеют различия. Большинство русских собраний содержит как «старшие», так и новые духовные стихи. За редким исключением число их колеблется от 10 до 20 произведений, в основном традиционных для этой территории. По сравнению с юрлинскими тетрадами некоторые кочёвские сборники заметно объемнее, они включают от двух до четырех и более десятков текстов. Расширение состава происходит за счет новых и новейших стихов, возникших уже в XX в. и переписанных из газет, журналов и других источников. Значительная часть таких произведений не поется, а существует лишь в письменном виде.

Функционирование рукописных тетрадей способствует более активной коммуникации внутри местных сообществ: вовлеченные в обрядовую деятельность переписывают стихи друг у друга либо просят записать / подарить нужный им текст (см. подробнее: [Мельников 2022: 75, 82]). Об этом, в частности, свидетельствуют листы с записями, сделанными другим почерком. Предметом своеобразного дарообмена может стать не только отдельный стих, но и вся рукописная поминальная тетрадь: ее передают родственнице (чаще дочери) либо более молодому ритуальному специалисту, который может активно ею пользоваться. В коми-пермяцком с. Большая Коча зафиксирован случай, когда пустая общая тетрадь стала подарком бабушке от внучки, снабдившей свой дар специальной надписью («Бабушка в этом тетраде 96 листов, пиши сюда всё что хочешь, молитвы, стихи, рассказы и многое, многое и с Днем рождения (написано печатными буквами. — С. К., М. Т.)...»). Владелица переписала туда часть духовных стихов из своей старой тетрадки.

Сюжетный состав, композиция и рамочные элементы рукописных тетрадей

Специфика локальной рукописной традиции проявляется в наборе наиболее типичных сюжетов, которые обнаруживаются в поминальных тетрадах²⁴. Этот набор не является точной проекцией популярных «звучащих» стихов: несколько произведений, которые поются (или до недавнего

²³ По замечанию Н. И. Жулановой, этот жанр — значимая часть двуязычного коми-пермяцкого фольклора, которая, однако, «не понята, недооценена, не принята до конца» теми исследователями, кто склонен видеть в ней лишь «чужеродное» заимствование [Жуланова 2016: 242, 247].

²⁴ На этом этапе у нас нет задачи сопоставить юрлинско-кочёвские духовные стихи с данными других регионов. Очевидно, что ряд сюжетов имеет широкое распространение и встречается в сборниках, репрезентирующих фольклорные традиции Русского Севера, Поволжья, Вятки, Южного Урала. Обнаруживаются и ожидаемые пересечения с репертуаром старообрядцев Верхотурья.

времени пелись) на похоронах и поминках в целом ряде сел и деревень, в «контрольных» собраниях встречаются лишь однократно²⁵. Иначе говоря, «ядро» рукописной традиции не вполне совпадает с «ядром» устной.

Из 102 текстов, входящих в пять рассматриваемых собраний, одновременно и в русской, и в коми-пермяцкой традициях представлены 18 произведений. Далее приводится инципитный список этих сюжетов. Инципит представляет собой первую строчку стиха (мы приводим ее в литературном написании); если в научной традиции принято другое название, оно указывается рядом в квадратных скобках. Далее в круглых скобках приводятся населенные пункты, в тетрадах из которых обнаруживается произведение, с указанием количества вариантов. После знака «+» приведены названия прочих сел и деревень, в рукописных собраниях из которых имеются эти сюжеты (без указания на число). Там, где это возможно, кратко описан обрядовый контекст исполнения²⁶. Стихи с наибольшим количеством вариантов, встретившихся в обеих традициях в «контрольном» корпусе, приведены в начале списка, с наименьшим — в конце.

1. «У (имярека) сегодня праздничек...» (рус.: Юрла 1, Ташка 1 + Усть-Зула, Липухина; коми-перм.: Кукушка 3, Сеполь 1 + Большая Коча). В местной традиции обычно называется «Класть/клади котомочку», «На котомочку». Во всех обследованных нами населенных пунктах юрлинско-кочёвского пограничья этот духовный стих исполняется только во время сбора милостыни («котомочки») на 39-й или 40-й дни после смерти. В стихе перечисляется набор предметов, которые нужно положить в мешочек, вручаемый затем ритуальному заместителю умершего. В разных микролокальных традициях этот перечень варьируется. В рукописной форме встречаются развернутые варианты стиха, редко исполняемые вслух; они заканчиваются описанием наказания, которому подвергается душа, в чьей котомке не оказалось свеч, ладана, «ночного моления» (поскольку родные не провели обряд так, как нужно) [Четина, Роготнев 2010: 221–222].

2. «Ах вы, ангелы, вы Господние...» [«Расставание души с телом»] (рус.: Юрла 1, Пож 2, Ташка 1 + Сергеева; коми-перм.: Кукушка 1 + Сеполь). В Юрле исполняется в день похорон до выноса гроба [РИТ]. В д. Пож поется в любой поминальный день после трапезы, когда хозяева подали милостыню тем, кто молился и пел:

²⁵ Таков, к примеру, старший эпический стих «У отца-то, отца было у Владимира...» (см. о нем: [Жуланова 2001]), «Про монаха» («Как во поле при долине...»), поминальный стих «Дорогие мои детоньки...» (благодарность от лица умершего за поминальное застолье, в юрлинской традиции обычно называется «За спасибо»), «Поминайте меня, родные» и др. Не попали в список некоторые новейшие стихи, получившие популярность сравнительно недавно. Таков «Стих о матери» («Ты спишь, наша милая мама...»), который теперь исполняется почти повсеместно, но обычно не поется, а зачитывается вслух.

²⁶ Мы принимали во внимание только ту информацию, которую наши собеседники сообщали в контексте разговора о рукописных тетрадах; сведения из прочих интервью и публикаций здесь не учитываются.

ВПС: Вообще-то это после обеда вот на всех поминках так и поется. <...> Вот мы поем перво, например, спели мы «За спасибо»-то. Потом из-за стола-то вышли и нам милостинки подают. И вот после этой милостинки мы начинаем «Два-те ангела». А потом уже все последующие петь.

Соб.: За милостинки поете «Два ангела»?

ВПС: Вот за милостинки споем.

3. «Хожу, хожу я вокруг дома...» (рус.: Юрла 1, Ташка 1 + Усть-Зула; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 1 + Б. Пальник, Большая Коча, Отопково, Пуксиб, Левичи). Исполняется на 40-й день после поминальной трапезы (с. Юрла [РИТ], д. Кукушка [ВАП]). В тетради из д. Отопково есть письменное указание, что стих поется также на *годиниы*. В тетради из Юрлы сюжет контаминируется с другим стихом (где душа просит ангелов отпустить ее на поминки), служа его продолжением.

4. «Ой вы, братья мои, братчики милые...» [«На белом свете человек как трава растет»] (рус.: Пож 1; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 2 + Большая Коча). В Юрле исполняется в день похорон перед выносом гроба [РИТ]; в Поже — в сходной ситуации: «Вот если в гробу лежит, то у нас другой стих есть, в гробу-ту лежит покойник-от. [Поет.] <...> Люди проходят, прощаются, мы это поем сидим» [ВПС]. В Кукушке раньше исполнялся во время ночного бдения возле умершего:

Соб.: А пели когда?

ВАП: А это когда, наверно, еще покойник-то дома. Когда ведь умрет, дак собираются и долго ночь ночуют, и всё поют, стихи поют и поют.

Соб.: Это можно было петь даже и ночью?

ВАП: Ну, наверно, но я знаю, что певали. Вот бабушка-та у нас умерла, она боговерующая была дак. Отец-то привозил с Сеполя бабушек старых, ну, с которыми она зналась.

5. «...Ой вы, ангелы, да ангелы Господние, / Отпустите меня да попрощатися...»²⁷ [«Ты земля ли, земля-матушка...»] (рус.: Юрла 1; коми-перм.: Сеполь 2, Кукушка 1). В Юрле исполняется на любых поминках после трапезы [РИТ]. В Кукушке стих поется на 40-й день.

6. «Пресвятая Елена, она ходила по всему белу свету...» [«Шла Елена по дорожке»] (рус.: Юрла 1 + Елога; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 2). В Юрле поется на похоронах и поминках [РИТ]; в Кукушке уже не исполняется в обрядовой ситуации, но хозяйка поминальной тетради иногда поет его для себя: «Это тоже не поют, но я это так-то знаю... А вот с кем поешь? Не с кем! <...> Одна когда лежу вечером дак, иногда пою тоже» [ДВА].

7. «Для всех солнце светит, а для меня уж нет...» (рус.: Ташка 1 + Усть-Зула, Сергеева; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 1 + Пе-

²⁷ Зачин этого стиха существенно варьируется, поэтому в качестве инципита приводятся первые сходные во всех вариантах строчки.

лым, Большая Коча, Отопково, Сизово, Пуксиб, Левичи). Владелица тетради из д. Кукушка слышала этот духовный стих на похоронах в с. Кочёво, где он исполнялся при выносе гроба [ВАП].

8. «Было счастье мое, улетело далеко...» (рус.: Пож 1 + Усть-Зула, Сергеева; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 1 + Большая Коча). В д. Пож исполняется на 40-й день после проводов души:

А ето мы ее поем, когда уже домой ийти. Последнюю самую.
Вот уже отобедали. Стихи попели. А потом, если сорочины,
душу проводили. Снова за стол садимся после души. И после
души тожнё один стих поем, вот этот поем [ВПС].

9. «Ох вы, вдовушки честные, благоверные...» (рус.: Пож 1 + Сергеева; коми-перм.: Сеполь 1, Кукушка 1). В Юрле исполняется в день похорон до выноса гроба [РИТ]; в Кукушке зафиксирована только письменная форма [ДВА; ВАП; НДП].

10. «Скорбь страшна и смерть ужасна...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 2 + Кукушка). Не имеет строгой приуроченности к обряду²⁸.

11. «Ты прости-ка, прощай...» (рус.: Юрла 1 + Усть-Зула; коми-перм.: Кукушка 1 + Сеполь, Большая Коча, Сизово). Групповой причет с устойчивым текстом, который носители традиции нередко относят к стихам²⁹. В Юрле исполняется в день похорон при выносе гроба: «Соб.: А гроб когда выносят, не поют “Ты прости-ка”? РИТ: Поют. Когда выносят, мы поем, значит, там “Прощается со светлой горенкой...”»³⁰.

12. «Ох и грешная моя душенька, / Ино кто же моей душе поможет...» (рус.: Юрла 1 + Усть-Зула, Сергеева; коми-перм.: Сеполь 1). В Юрле исполняется на любых поминках индивидуального цикла сразу после трапезы [РИТ].

13. «Сели пёвцы за трапёзу...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Кукушка 1 + Сеполь, Пелым, Большая Коча). В Кукушке исполняется во время любых поминок сразу после трапезы [ВАП].

14. «Ты куда идешь, скажи мне, странник...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 1 + Кукушка). Не имеет строгой обрядовой приуроченности. Опубликован вариант этого стиха из рукописной тетради д. Сеполь; авторы указывают, что там он исполняется на похоронах по дороге

²⁸ В традиции юрлинско-кочёвского пограничья стихи, не имеющие четкого места в обряде, исполняются после поминальной трапезы.

²⁹ В селах и деревнях юрлинско-кочёвского пограничья, где традиция не редуцировалась, произведение входит в число обязательных произведений похоронно-поминальной поэзии, поэтому мы оставляем его в списке, несмотря на принадлежность к другому жанру.

³⁰ В большинстве обследованных нами населенных пунктов исполняется дважды: 1) на похоронах во время прощания с покойным и выносе гроба из дома и 2) на 40-й день, когда провожают из дома заместителя умершего с «котомкой». В символическом плане вторые проводы являются повторением первых, что и маркируется этим причетом.

на кладбище. В тетради из кочёвской деревни Пелым рядом с этим стихом на полях есть приписка: «на провожанье сороковой день» [Четина, Роготнев 2010: 209, 220–221].

15. «Слава Богу за все...» (рус.: Юрла 1 + Усть-Зула, Сергеева; коми-перм.: Кукушка 1 + Сеполь, Пелым, Б. Пальник, Большая Коча, Отопково). В Кукушке исполняется после поминальной трапезы на 9-й и 40-й дни [ВАП; НДП].

16. «Скоро, скоро день прекрасный...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 1 + Кукушка, Пелым, Большая Коча). Не имеет строгой обрядовой приуроченности.

17. «С другом я вчера сидел...» (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 1). Не имеет строгой обрядовой приуроченности.

18. «Исус Христос выходил из храма...» [«Христос с учениками из храма выходит», современный стих протоиерея Николая Гурьянова] (рус.: Ташка 1; коми-перм.: Сеполь 1). По-видимому, произведение не поется, существует только в рукописном виде.

Обращают на себя внимание многочисленные схождения в рукописном репертуаре коми-пермяцкой д. Сеполь и русской д. Ташка: совпадает восемь сюжетов, причем часть из них отсутствует в других русских тетрадах из «контрольной» группы (№ 10, 14, 16–18). Это говорит о том, что между Сеполем и Ташкой имеются достаточно тесные связи. Совпадения можно объяснить либо прямой коммуникацией (владелица одного сборника переписала их у хозяйки другого), либо существованием на этой территории иного рукописного собрания, к которому восходят тексты из сепольской и ташкинской тетрадей.

При всей тщательности, с которой мы попытались выделить сюжеты, составляющие ядро юрлинско-кочёвской рукописной традиции, и установить число их вариантов, нужно признать, что наши подсчеты несколько условны. Основная трудность заключается в том, что листы тетрадей становятся «полем» интенсивных межтекстовых взаимодействий, приводящих к возникновению разнообразных контаминаций. Более или менее развернутые фрагменты лиро-эпических поминальных стихов могут «кочевать» из текста в текст. Ситуацию осложняет наличие у одного сюжета нескольких разных зачинов. Так, зачин «У раба божьего сегодня праздник...» (обязательный для стиха на сбор «котомочки» (№ 1)) в юрлинской тетради продолжается популярным стихом «Хожу, хожу я вокруг дома...» (№ 3)³¹. Несколько зачинов имеет и стих «Ах вы, ангелы, вы Господние...»

³¹ Владелица тетради объясняет эту странность тем, что юрлинские ритуальные специалисты фактически объединяют в одно произведение два разных духовных стиха: «...ой вы, ангелы, да ангелы Господние, / отпустите меня да попрощатися...» (№ 5), который исполняется на любые поминки, и «Хожу, хожу я вокруг дома...» (№ 3), исполняемый исключительно на 40 дней: «Соб.: А вот вы сейчас спели два стиха? Или у вас один стих? РИТ: Да, он как один, но там две части. И вторая часть, она более... Соб.: “Хожу-хожу я вокруг дома...” РИТ: Это у нас как бы одна. Мы поем это всё заодно. А вот только если в сорочины, да, мы поем <...> вот досюда. <...> А потом сразу продолжаем: “40 дней душа заждалась, все заставушки прошла”».

(о расставании души и тела, № 2)). Если у какого-то из вариантов утрачивается мелодия, современные исполнительницы не всегда понимают, чем один записанный стих отличается от другого:

Соб.: А «Два голубя»?

ВПС: Вот это я не знаю, мы не пели. Это чё она [первая хозяйка тетради] написала? [Соб. цитирует текст.] <...> Дак это в «Двух ангелах». Ето она почё тут написала? Оно же в «Двух ангелах» поется! На корочке она написала, ну. «Видно, тело понесут на лавочку...» Это из «Двух ангелов», там оно есть.

Образ ангелов появляется и в других сюжетах: они приходят за душой, которая просит отсрочку, чтоб помолиться/попроситься (в другой версии просит отпустить ее на поминки, № 5); ангелы вынимают грешную душу и прогоняют ее от себя («На закат солнце пошло...»); смерть вынимает душу, а ангелы отводят ее в тесную келью; они проводят грешную душу мимо рая и бросают в ад, и т. д.

Некоторой неожиданностью для нас стали повторы произведений внутри одного и того же собрания. Как видно из списка инципитов, встречаются не только двух-, но и трехкратно записанные тексты, представляющие собой один сюжет. Так, в тетрадь из д. Кукушка трижды включен стих «Класть котомочку» (№ 1). Его варианты расположены в разных частях тетради, в том числе в самом начале и в самом конце сборника. Набор перечисляемых предметов в них может почти отсутствовать (как в первом варианте) или расширяться. Третий вариант наиболее полный: кроме перечисления необходимых вещей в нем присутствует упоминание о наказании для души, чья котомка оказалась пустая. Произведения, которые исполняются редко или не исполняются совсем, встречаются в тетрадях практически в неизменном виде, а число их вариантов меньше, чем у тех стихов, которые поются.

Большинство сюжетов в том или ином виде отражает религиозно-мифологические представления о загробных странствиях души (№ 1–3, 5) и наказании за прегрешения (№ 16, 17), изображает коммуникацию между живыми и мертвыми (№ 3, 7). Как замечают авторы монографии «Русские в Коми-Пермяцком округе», бытующие на территории юрлинско-кочёвского пограничья духовные стихи служат для выражения не столько религиозного переживания, сколько чувства «живой связи с предками, неразрывного духовного родства с ними в обряде» [Бахматов и др. 2008: 372]. Эту связь усиливают обязательные и факультативные произведения, придающие обрядовым действиям адресность: стихи с упоминанием родителей (№ 8), друга (№ 17), сестер, братьев, соседей (№ 4) позволяют собравшимся на поминки людям соотнести текст с конкретным умершим, выразить скорбь о его утрате. Это особенно актуально в ситуации, когда уже почти не исполняются импровизированные причитания.

В тех случаях, когда стихи являются составной частью более крупных полижанровых сборников, их расположение относительно других жанров обусловлено ходом похоронно-поминального обряда. В большинстве

случаев раздел со стихами идет после молитв, а заговоры (если они есть) помещаются в конце, поскольку не читаются в ситуации похорон и поминок. При этом порядок расположения самих духовных стихов почти всегда случаен и не совпадает с их реальным местом в обряде³². В отдельных тетрадах для упорядочивания записей и более быстрой ориентации служит нумерация обязательных для исполнения текстов (с. Юрла, д. Сеполь).

Особый интерес представляют заглавия стихов, которые им дают владельцы тетрадей. Названия и другие рамочные компоненты становятся результатом (а в случае механического переписывания из другого источника — предметом) определенной метарефлексии о своей традиции. Анализ этих элементов позволяет понять взгляд «изнутри»: как входящие в собрания тексты, и в частности духовные стихи, осмысляются теми, кто их исполняет, что считается достойным письменной фиксации, какие формы и способы записи являются конвенциональными.

Замечено, что при переписывании духовных текстов их книжные названия могут заменяться обиходными [Никитина 1982: 121]. В анализируемых поминальных тетрадах названия молитв обычно более каноничны и устойчивы (в чем можно увидеть влияние печатных молитвословов): «Молитва о умерших» (с. Юрла), «Канон за едино умершего» (д. Ташка), «Акафист за усопших» (д. Сеполь) и мн. др. В отличие от них, заголовки духовных стихов и их заключительные формулы более вариативны. В описываемых нами тетрадах названия есть практически у всех духовных стихов (исключение составляет тетрадь из д. Кукушка, где половина заглавий отсутствует, но компенсируется графически). С формальной точки зрения, заголовки служат разделителем текстов: он выносится на середину строки, в большинстве случаев пишется с заглавной буквы, в некоторых случаях выделяется цветным карандашом или чернилами (д. Сеполь), подчеркивается одной или двумя горизонтальными линиями (с. Юрла, деревни Пож, Сергеева, Ташка, Сеполь). В тетради из д. Сеполь графически выделяется первая строчка, которая таким образом становится одновременно и заглавием. В тетради из Кукушки, где часть стихов не имеет названия, разделителем служит горизонтальная прерывистая линия, проходящая через всю страницу. Оформление заголовков, как и тетрадей в целом, лаконично: оно не предполагает активного использования цветных чернил и фломастеров, аппликации или рисунки тоже отсутствуют.

Заглавия духовных стихов не имеют строгой привязки к определенному сюжету. Так, один и тот же духовный стих «Хожу, хожу я вокруг дома...» (№ 2) имеет в тетрадах разные названия: рус.: «Стих 2» и «40 дней» (с. Юрла), «Стих» (д. Ташка); коми-перм.: «на сорочины» (д. Кукушка), «Святая молитва» (д. Сеполь и Большой Пальник), «Молитва» (д. Отопково) и др.

³² Показательно, что варианты одного и того же стиха могут как располагаться подряд, так и разделяться другими текстами.

Предварительно можно выделить четыре наиболее типичные и устойчивые модели образования заголовков.

1. По жанру (как он понимается в традиции): «Стих» / «стих» (в собрании из с. Юрла встречается четырежды, из д. Ташка — трижды, по пять раз — в тетради из д. Кукушка и собраниях из д. Отопково), в том числе в словосочетаниях: «Стих умершего», «Стих о маме», «Стих боже, боже мой» (с. Юрла), «Стих Владычица», «Стих Странник», «Стих. Конец света», «Стих по умершим» (д. Ташка), «Стих умершим» (д. Кукушка). Названия со словом *стих* / *стихи* наиболее частотны и в остальных тетрадях из нашей коллекции: «Застольный стих» (с. Юрла), «Прощальный стих» (д. Липухина), «Стих мама», «Стих “господний”» (д. Кукушка), «Стих на поминку» (д. Сеполь), «Стих умерших после еды», «Поминание. Стих», «Стих матери», «Стих. на 40 день» (с. Большая Коча), «Стих (на 40 дней)», «Стих (помянуть)», «Стих (маме)», «Прощальный стих родной матери», «Стих-песня», «Стихи за упокой» (д. Отопково). В тетради из с. Большая Коча трижды встречается вариант, отражающий коми-пермяцкое произношение: «Стик». В тетрадях из д. Кукушка и Сеполь несколько раз появляется название «Стишок» (в том числе в словосочетании: «О маме стишок»). В русских тетрадях эта лексема зафиксирована однократно: «Молитва-стишок» (д. Липухина). В рукописном собрании из д. Отопково один раз встречается название «Стихи (знать наизусть)» применительно к молитве («Упокой, Господи, души усопших раб Твоих...»).

Значительно реже в заглавии используется иное жанровое обозначение: «Молитва» («Поминайте меня родные...», д. Сеполь и Отопково), в том числе в словосочетаниях: «Молитва грешницы» (д. Сергеева), «Святая молитва» (д. Сеполь), «Молитва на 40 дней» (д. Отопково). Причиной могут быть присутствие в тетрадях молитв как таковых, религиозная тематика и общий контекст исполнения двух этих жанров.

2. По основным персонажам (обычно названным в первых строчках): «Вдовьюшки-вдовы», «Два ангела», «Два голубя» (д. Пож), «Рабы» (д. Кукушка), «Странник» (д. Сергеева, Сеполь).

3. По месту в обряде: «40 дней» (с. Юрла, дважды), «На сорочины» / «на сорочины» (с. Юрла, д. Кукушка), «За упокой» («Для всех солнце светит...») (д. Сергеева), «За гробный», «Прощаюстя» (sic!) (д. Ташка), «Прощальное», «Класть котомочку», «моют и одевают» (д. Кукушка), «После еды» (д. Сеполь). В некоторых случаях название по форме представляет собой инструкцию: «читать на кладбище» («Низкий поклон тебе, мама родная...», д. Отопково). Ситуация исполнения может указываться в подзаголовке: «Сегодня праздничек» (собрание «котомки») (д. Сеполь).

4) По первому слову/строчке (либо по ключевому слову первой строки): «Судьба» (д. Пож), «Шла Елена по дорожке» (с. Юрла), «Совстречалось несчастью со мной» (д. Сергеева), «Трапеза» (д. Ташка), «Скорбь» (д. Кукушка), «спородиле меня матушка земля» (д. Сеполь), «ой» (д. Кукушка).

Разнообразны и заключительные формулы духовных стихов, маркирующие конец произведения, в том числе визуально. В тетради из русской деревни Сергеева после некоторых стихов указано, от кого и когда записан текст: «(напела Тоисева Кс. Пет. 26 сент. 1992 г.)», — однако это окказиональный случай. Обычно в качестве окончания употребляются слова *Аминь* (д. Пож, Сеполь, Кукушка) и *Конец* (д. Ташка), а также фраза *Аллилуйя, Аллилуйя слава тебе боже наш* (с. Юрла). Обычно в одной тетради используется какая-то одна заключительная формула. Как и заголовок, она пишется с новой строки, сдвигается вправо или выносится на середину. Встречается написание как с заглавной, так и со строчной буквы, в конце часто стоит точка. В тетради из д. Сеполь финальное *Аминь* подчеркивается одной или двумя линиями. Происхождение заключительных слов-формул, очевидно, можно свести к двум основным источникам: светским песенникам, тексты которых нередко завершаются словом *конец* (подобная тенденция прослеживается в рукописных репертуарных песенниках из д. Пож и Кукушка), и печатным молитвословам, где молитвы завершает *аминь*³³. Развернутая формула с *аллилуйя* — типичный элемент богослужебных текстов. Она также встречается в публикациях и рукописных текстах духовных стихов из других регионов, где служит рефреном, разделяющим строфы, или стоит в самом конце [Косятова 2012: 26; Юровская 2014: 287].

Большинство духовных стихов из анализируемого корпуса записаны в столбик. В юрлинских тетрадах вертикальная организация текста выдержана более последовательно: в тетради из д. Пож так записаны все стихи, в с. Юрла от нее отступает один стих из 18 («У ... сегодня праздничек [приписка сверху: «2 р[аза]»] да невеселый день. У ... душа на могилочке поскакивает, она поскакивает, она попрыгивает. Ждет пождет она своих [приписка сверху: «2 р[аза]»] Ангелов, своих Господних же» и т. д.). В д. Ташка в строку записан один из 14 стихов, еще четыре имеют смешанное написание. Количество «рассыпавшихся» стихов несколько увеличивается в коми-пермяцких собраниях. Фактически организация по горизонтали (в строку, как в прозе) становится здесь одним из двух конвенциональных способов записи поэтических текстов. В тетради из д. Сеполь таким образом представлено 7 из 36, в Кукушке — 10 из 23 произведений. Учет остальных собраний из нашей коллекции показывает, что чаще это происходит с традиционными стихами, не имеющими рифмы. По-видимому, в таких случаях пишущие хуже улавливают границы строк. Еще одним фактором может быть соседство с молитвами, которые представляют собой ритмизованную прозу и записываются в строку. Примечательно, что в собрании из д. Отопково обнаружено обратное влияние: хозяйка одной из тетрадей делает попытку записать в столбик не только стихи, но и некоторые молитвы, например:

³³ Слово *аминь* встречается также в конце заговоров, где играет роль закрепи. В рукописных сборниках заговоры иногда соседствуют с духовными стихами, хотя в юрлинско-кочёвском ареале это случается не слишком часто.

Спаси Господи, люди твоя
и благослови
Достояние твоё победы
православным
Христианом на сопротивный
даруя [и т. д.].

Наконец, хотя бы краткого упоминания заслуживают фразы-комментарии и исправления, сделанные в сборниках владельцами. Приписки располагаются между строк или на полях, при этом добавленные слова или строки выделяются более ярко — часто чернилами другого цвета, очевидно, чтобы дополненную или исправленную запись можно было сразу заметить. Комментарии к текстам также ориентированы прежде всего на исполнителя: они служат напомним о последовательности («Перед едой читается “Отче наш”» (д. Сеполь); «начинать поминки этой песней первой» (д. Отопково); «и так петь про детей, соседей и т. д.» (с. Юрла)), указывают на количество повторов слова или строки при пении. Из пяти основных собраний больше всего развернутых комментариев содержит собрание из Юрлы. Печатный молитвослов и тетрадь с молитвами и духовными стихами служат хозяйке своеобразной «партитурой» похоронно-поминального обряда, а комментарии, с одной стороны, помогают ориентироваться сразу в нескольких источниках («№ 18 на 2 листа впереди тетр», «№ 15 в кн. стр 14 и № 16 стр 28»), а с другой — указывают на действия, к которым приурочен текст («Выйдя из-за стола: Благодарим тебя ... за столько вкусный и насыщенный обед. Пусть это будет у тебя на престоле»; к тексту «Дорогие мои детоньки...»: «за столом»; к тексту «Святой божий...»: «покадить стол»).

Исправления содержат все пять описываемых нами тетрадей. В них встречаются вставки или, напротив, изъятие из текста отдельных слов или строк, перемена их местами, исправление грамматических ошибок, описок, замена написанного на слух орфографически правильным вариантом и наоборот. Показательные «фонетические» исправления содержатся в тетради из д. Пож: здесь сталкиваются литературная и диалектная норма, в частности чоканье, которое до сих пор сохраняется в некоторых песнях, исполняемых пожилыми женщинами. Так, в названии стиха «На закат солнце пошло» и в его первой строке над словом «солнце» содержится приписка «чо», указывающая на принятое для этого стиха произношение (показательно, что помета восстанавливает более старую диалектную норму: [сонч'о]). Исправления вносятся как владельцами поминальных тетрадей, так и другими людьми, о чем можно судить по различию почерков. Наличие правки говорит о том, что тексты в тетрадях не мыслятся как нечто неизменное и могут подвергаться своеобразному «коллективному контролю».

* * *

Значимость элементов письменной формы не превращает рукописные сборники духовных стихов в письменный фольклор как таковой [Бахтин 1996], но до какой-то степени сдвигает их в эту область. К наблюдениям о письменных и устных формах бытования применимы рассуждения польского этнолингвиста Ежи Бартминьского об оппозиции «фольклорный (устный) — литературный (письменный)». Не отказываясь от привычной дихотомии, ученый предлагает смотреть на нее как на два полюса, к которым тяготеют конкретные произведения/высказывания, и допускает существование «смешанных и переходных текстов». В некоторых случаях канал ретрансляции может легко меняться, что приводит к возникновению вторично устных или вторично письменных форм [Бартминьский 2005: 387–388]. Также представляется интересным парадоксальное, на первый взгляд, утверждение ученого о синкретичности и «театральности» письменной речи: в ней «с языковым кодом взаимодействуют элементы графические и пластические (начертания букв, иллюстрации к тексту, формат и внешний вид книги и т. п.)», которые выступают своего рода аналогом/компенсацией жестов и мимики, сопровождающих устное исполнение [Там же: 385].

Любая рукописная тетрадь несет на себе отпечаток человеческой личности: в количестве стихов, расположении текста, начертании букв, типе графических элементов проявляются характер, темперамент, а зачастую и творческое начало ее создателя. Однако возможности научного анализа таких индивидуальных черт, кажется, очень невелики. Значительно лучше инструментарий фольклористики и филологии позволяет уловить региональные (или более широко распространенные) особенности рукописных поминальных тетрадей. Многие из отмеченных нами черт встречаются на других территориях. Они касаются функционирования (дарение записей более молодым ритуальным специалистам), жанрового состава (молитвы и заговоры как наиболее типичный «конвой» духовных стихов), допустимости записи поэтического/песенного текста в строку, передачи диалектных особенностей и т. п. Региональная специфика отчетливее всего проявляется в наборе сюжетов, составляющих «ядро» традиции, наиболее типичных названиях духовных стихов, принятых в том или ином сообществе, и стилевых доминантах их визуального оформления.

Выше все перечисленные параметры были охарактеризованы применительно к юрлинско-кочёвской рукописной традиции. Существенная ее особенность заключается в том, что она возникает на пересечении двух культур и двух языков. При всем сходстве поминальных тетрадей, функционирующих на русской и коми-пермяцкой территориях, отдельные их черты не совпадают (пусть различия чаще носят количественный, а не качественный характер). Думается, что как типичные, так и уникальные особенности юрлинских и кочёвских «тетрадошек» могут проявиться более рельефно, после того как окажутся подробно описаны современные рукописные традиции, бытующие в других регионах.

Список владельцев рукописных тетрадей и рассказчиков

- АМП — жен., 1937 г. р., русская, стояла у истоков ансамбля «Калинушка», д. Пож Юрлинского р-на. Соб. Е. М. Четина, С. Ю. Королёва, 2014 г.
- ВАП — жен., 1946 г. р., коми-пермячка, участница ансамбля «Кукушка», д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Тихонова, 2022 г.
- ВПС — жен., 1949 г. р., русская, участница ансамбля «Калинушка», д. Пож Юрлинского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, А. В. Королёв, 2023 г.
- ДВА — жен., 1936 г. р., коми-пермячка., в прошлом участница ансамбля «Кукушка», д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Тихонова, 2022 г.
- ЛВК — жен., 1955 г. р., русская, д. Ташка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, А. В. Королёв, 2022 г.
- НДП — жен., 1940 г. р., коми-пермячка, участница ансамбля «Кукушка», д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Тихонова, 2022 г.
- РИТ — жен., 1941 г. р., русская, род. в д. Панькова, проживает в с. Юрла. Соб. С. Ю. Королёва, Е. М. Четина, 2014 г.
- ТИП — жен., 1954 г. р., коми-пермячка, выполняет функции церковной старосты, д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, А. В. Королёв, 2022 г.
- ТИЧ — жен., 1939 г. р., коми-пермячка, д. Сеполь Кочёвского р-на. Соб. С. Ю. Королёва, А. В. Королёв, 2022 г.
- ТРВ — жен., 1926 г. р., коми-пермячка, стояла у истоков ансамбля «Кукушка», проживала в д. Кукушка Кочёвского р-на; первая владелица тетради ДВА.

Литература

- Бартми́нский 2005 — *Бартми́нский Е.* Оппозиция «устный — письменный» и современный фольклор // Бартми́нский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Сост. и отв. ред. С. М. Толстая; Пер. с пол. М.: Индрик, 2005. С. 382–392.
- Бахматов и др. 2003 — Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. / А. А. Бахматов, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2003.
- Бахматов и др. 2008 — Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: От и До, 2008.
- Бахтин 1996 — *Бахтин В. С.* Реальность письменного фольклора // Экспедиционные открытия последних лет. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-х — 1990-х годов: Статьи и материалы / Отв. ред. М. А. Лобанов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 151–159.
- Воронцова 2015 — *Воронцова Е. В.* Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): Дис. ... канд. философ. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2015.
- Голева 2019 — *Голева Т. Г.* Старообрядцы на территории Коми-Пермяцкого округа // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2019. № 1. С. 46–60. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.04>.
- Данченкова 2003 — *Данченкова Н. Ю.* Деревенский обычай «ходить по покойнику». Мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская область) // Религиозный опыт народной культуры: Образы. Обычаи. Художественная практика / Отв. ред. Н. Ю. Данченкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2003. С. 173–225.

- Жимулева 2008 — *Жимулева Е. И.* Православные песнопения в народных похоронно-поминальных обрядах (на материале сибирской традиции) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 138–142.
- Жуланова 1995 — *Жуланова Н. И.* Юрлинцы: русский «остров» или контактная зона? (О музыкальном фольклоре и традиционной культуре русского населения Коми-Пермяцкого автономного округа) // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении / Сост. Т. С. Шенталинская; Отв. ред. А. С. Каргин. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 1995. С. 77–88.
- Жуланова 2001 — *Жуланова Н. И.* «У отца да было у Владимира»: духовные стихи деревни Пож // Вестник Российского фольклорного союза. 2001. № 1. С. 4–7.
- Жуланова 2016 — *Жуланова Н. И.* Двуязычие в вокальном фольклоре коми-пермяков // Вопросы музыковедения: Теория. История. Методика. Вып. 9 / Отв. ред. Л. С. Бахши. М.: Моск. гос. ин-т музыки им. А. Г. Шнитке, 2016. С. 241–248.
- Жуланова 2023 — *Жуланова Н. И.* Духовные стихи и молитвы в народной культуре коми-пермяков // Народная религиозность в свете фольклора / Сост. и науч. ред. Л. В. Фадеева и Ю. М. Шеваренкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 215–249.
- Ивашина 2009 — *Ивашина О. В.* Духовные стихи на страницах рукописных тетрадей (к проблеме соотношения устного и письменного в фольклоре) // К. В. Квитка и актуальные проблемы этномузыкологии / Ред.-сост. Е. В. Битерякова. М.: Моск. консерватория, 2009. С. 112–122.
- Ипполитова 2008 — *Ипполитова А. Б.* Религиозные стихи: рукописная традиция // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 80–88.
- Карвале́йру 2012 — *Карвале́йру А. М.* Читалки // Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь / И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин и др. Т. 2. М.: Индрик, 2012. С. 559–602.
- Королёва, Тихонова 2023 — *Королёва С. Ю., Тихонова М. А.* Похоронно-поминальный обряд и роль сельского ритуального специалиста у русских-юрлинцев // Традиционная культура. Т. 24. № 1. 2023. С. 110–121. <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.010>.
- Косятова 2012 — *Косятова С. С.* Русские народные духовные стихи Калужско-Брянского пограничья: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. М., 2012.
- Кувшинская, Заикина 2022 — *Кувшинская Ю. М., Заикина А. А.* Народные паралитургические традиции в Мантуровском районе Костромской области: практики и тексты // Живая старина. 2022. № 4. С. 6–12.
- Кувшинская, Заикина 2023 — *Кувшинская Ю. М., Заикина А. А.* Рукописная традиция и народная литургическая практика в Мантуровском районе Костромской области // Народная религиозность в свете фольклора / Сост. и науч. ред. Л. В. Фадеева и Ю. М. Шеваренкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 271–301.
- Кулев, Балакшина 2000 — Праздники и обряды Череповецкого района. Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. Вологда: [б. и.], 2000.
- Левкиевская 2018 — *Левкиевская Е. Е.* «Отпевальные» тетради украинцев Самойловского района: жанровый состав и пути формирования // Живая старина. 2018. № 1. С. 22–25.
- Левкиевская 2019 — *Левкиевская Е. Е.* Украинские анклавы на территории России: к проблеме исследования локальных традиций // III Всероссийский конгресс фольклористов. Т. 4 / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. М.: [б. и.], 2019. С. 518–530.

- Левкиевская 2020 — *Левкиевская Е. Е.* Биографии религиозных специалистов в межпоколенной передаче культурной информации // «Осколки» в традиции / Сост. и ред. Е. Е. Левкиевская, О. Б. Христофорова, Н. В. Петров. М.: Неолит, 2020. С. 215–245.
- Левкиевская 2023 — *Левкиевская Е. Е.* Церковнославянские богослужебные тексты в структуре народного «отпевания» // Народная религиозность в свете фольклора / Сост. и науч. ред. Л. В. Фадеева и Ю. М. Шеваренкова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 250–270.
- Мельников 2022 — *Мельников И. А.* Сборники духовных стихов староверов и православных в XX–XXI вв.: от текста-подарка к тексту-копии // Фольклор: структура, типология, семиотика. Т. 5. № 2. 2022. С. 73–85. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2022-5-2-73-85>.
- Мороз 2022 — *Мороз А. Б.* Старообрядческий сборник духовных стихов и выписок из с. Троица Каргопольского района: состав, структура, идеология // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 44. № 5. 2022. С. 75–84. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.790>.
- Мурашова 2005 — *Мурашова Н. С.* Типы сборников духовных стихов, распространенных в старообрядческой среде: по материалам экспедиционных исследований // Старообрядчество: история, культура, современность. Т. 2 / [Ред. В. И. Осипов и др.]. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2005. С. 241–248.
- Мурашова 2020 — *Мурашова Н. С.* Старообрядческий духовный стих в контексте культурно-исторической эволюции внебогослужебного духовного пения: Дис. ... д-ра культурологии / Новосибирский гос. пед. ун-т. Т. 1. Новосибирск, 2020.
- Никитина 1982 — *Никитина С. Е.* Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.) / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 91–126.
- Никитина 1993 — *Никитина С. Е.* Духовные стихи в современной старообрядческой культуре: место, функции, семантика // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Междунар. съезд славистов: Доклады российской делегации / [Отв. ред. Г. Г. Литаврин]. М.: Наука, 1993. С. 247–259.
- Никитина 2013 — *Никитина С. Е.* Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М.: Ин-т Наследия, 2013.
- Никитина 2014 — *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое самосознание. 2-е изд. М.: Ленанд, 2014.
- Панова, Теплова 2020 — *Панова Е. А., Теплова И. Б.* Духовные, поминальные стихи и религиозные песни в народной традиции Кардымовского района Смоленской области. СПб.; Саратов: Амирит, 2020.
- Пашина 2008 — *Пашина О. А.* «Святые» в русской деревне как социальный институт // Живая старина. 2008. № 4. С. 39–42.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Индрик, 2016.
- Подюков и др. 2020 — Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / Подюков И. А., Королёва С. Ю., Пантелеева Л. М., Хоробрых С. В. СПб.: Маматов, 2020.
- Поздеева 2007 — *Поздеева И. В.* Кому повем печаль мою... // Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхоямья / Под ред. И. В. Поздеевой. М.: Данилов ставропигальный мужской монастырь, 2007. С. 13–35.
- Потехина и др. 2010 — *Потехина Е., Ницевич А., Аугустяк А.* Старообрядческие духовные стихи из рукописной тетради Елены Петровны Дикопольской //

- Staroobrzędowcy za granicą: Historia. Religia. Język. Kultura / Pod red. M. Głuszkowskiego, S. Grzybowskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2010. S. 209–222.
- Прокуратова 2018 — *Прокуратова М. А.* Духовные стихи на евангельские сюжеты в рукописной традиции крестьян Верхней Вычегды // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 12. Ч. 3. С. 458–461. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.7>.
- Рожкова 2012 — *Рожкова Т. И.* «Душа с телом расставалась...» Духовные стихи в традиции горнозаводских сёл Южного Урала // *Русский мир. Пространство и время русской культуры.* № 7. 2012. С. 379–409.
- Сверлова 2006 — *Сверлова Е. Л.* Погребальные духовные стихи Саратовского Поволжья как открытая полистилевая жанровая система: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Саратовская гос. консерватория им. Л. В. Собинова. Саратов, 2006.
- Сигарева 2018 — *Сигарева М. Н.* Рукописные сборники духовных стихов как способ хранения и передачи фольклорного текста (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций по Алтаю) // *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств).* 2018. № 3(17). С. 117–121.
- Твердохлеб 2017 — *Твердохлеб Н. В.* Драматургия погребального обряда и духовные стихи с. Корнеевка Краснопартизанского района и с. Свердлово Калининского района Саратовской области // *Фольклор Большой Волги: Сб. науч. ст. / Сост. В. Е. Добровольская и др. М.: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. С. 160–178.*
- Успенская 2009 — Духовные стихи Пермского края / Сост. Н. Н. Успенская. Екатеринбург: Свердловский обл. Дом фольклора, 2009.
- Фадеева 2004 — Религиозные стихи / [Сост. Л. В. Фадеева] // *Традиционная культура Гороховецкого края: В 2 т. Т. 2 / [Сост. А. Н. Иванов, А. С. Каргин]. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2004. С. 369–440, 575–583.*
- Храмова 2008 — Духовные стихи и канты / Сост. Н. Б. Храмова // *Религиозный фольклор в архиве Центра фольклора ННГУ: указатель сюжетов / Под общ. ред. К. Е. Кореповой; Сост. Ю. М. Шеваренкова, Н. Б. Храмова, О. В. Макаревич. Н. Новгород: [б. и.], 2008. С. 49–238.*
- Чадаева 2018 — *Чадаева Д. М.* Погребальные духовные стихи с. Большие Копены Лысогорского района Саратовской области // *Межрегиональные Пименовские чтения.* № 15. 2018. С. 144–151.
- Черных 2013 — *Черных А. В.* Русский «остров» в коми-пермяцком окружении в Пермском крае России // *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe / Pod red. E. Nowieckiej, M. Głuszkowskiego. Toruń: Eikon Studio, 2013. S. 173–184.*
- Четина, Роготнев 2010 — *Четина Е. М., Роготнев И. Ю.* Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь: [Изд-во Перм. гос. ун-та], 2010.
- Чувьуров 2003 — *Чувьуров А. А.* Духовные стихи в культуре коми-зырян: локальные традиции // *Рябининские чтения — 2003 / [Отв. ред. Т. Г. Иванова]. Петрозаводск: Музей-заповедник «Киж», 2003. [Сетевая версия]. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/32.html?ysclid=lnvp5dixm0986012816>.*
- Юровская 2017 — На древах-та сидят да птички райския...: Духовные стихи горнозаводских сёл Челябинской области: Хрестоматия: Учеб.-практ. пособие / Запись, нотирование, сост., вступ. ст. и коммент. О. Л. Юровской. Челябинск: ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2017.
- Юровская 2022 — *Юровская О. Л.* Духовные стихи в песенной традиции калужских и пензенских переселенцев Челябинской области. Челябинск: ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2022.

Leete, Koosa 2023 — Leete A., Koosa P. The return of the Russian Orthodox Church to Komi rural communities // *Sibirica*. Vol. 22. No. 2. 2023. P. 1–29. <https://doi.org/10.3167/sib.2023.220201>.

References

- Bakhmatov, A. A., Podiukov, I. A., Khorobrykh, S. V., & Chernykh, A. V. (2003). *Iurlinskii kraj: Traditsionnaia kul'tura russkikh kontsa XIX–XX vv.* [Yurlinsky region: Traditional culture of Russians of the late 19th–20th centuries]. Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Bakhmatov, A. A., Goleva, T. G., Podiukov, I. A., & Chernykh, A. V. (2008). *Russkie v Komi-Permiatskom okruge: obriadnost' i fol'klor* [Russians in the Komi-Permyak district: ritual and folklore]. Ot i Do. (In Russian).
- Bakhtin, V. S. (1996). Real'nost' pis'mennogo fol'klora [The reality of written folklore]. In M. A. Lobanov (Ed.). *Ekspeditsionnye otkrytiia poslednikh let. Narodnaia muzyka, slovesnost', obriady v zapisiakh 1970-kh — 1990-kh godov: Stat'i i materialy* (pp. 151–159). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Bartmiński, J. (1989). Opozycja ustności i literackości a współczesny folklor. *Literatura Ludowa*, 1989(1), 3–12. (In Polish).
- Chadaeva, D. M. (2018). Pogrebal'nye dukhovnye stikhi s. Bol'shie Kopeny Lysogorskogo raiona Saratovskoi oblasti [Funeral spiritual verses of the village of Bolshye Kopena of the Lysogorsky district of the Saratov region]. *Mezhregional'nye Pimenovskie chteniia*, 15, 144–151. (In Russian).
- Chernykh, A. V. (2013). Russkii “ostrov” v komi-permiatskom okruzhении v Permskom krae Rossii. [Russian “island” in the Komi-Permyak environment in the Perm Region of Russia]. In E. Nowiecka, & M. Głuszkowski (Eds.). *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe* (pp. 173–184). Eikon Studio. (In Russian).
- Chetina, E. M., & Rogotnev, I. Iu. (2010). *Simvolicheskie real'nosti Parmy: Ocherki traditsionnoi kul'tury Permskogo kraia* [Symbolic realities of Parma: Essays on the traditional culture of the Perm Region] (n. e.). (In Russian).
- Chuv'uiurov, A. A. (2003). Dukhovnye stikhi v kul'ture komi-zyrian: lokal'nye traditsii [Spiritual verses in the Komi-Zyryan culture: local traditions]. In T. G. Ivanova (Ed.). *Riabininskie chteniia — 2003. Muzei-zapovednik “Kizhi”* (web version). <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/32.html?ysclid=lnvp5dixm0986012816>. (In Russian).
- Danchenkova, N. Iu. (2003). Derevenskii obychai “khodit' po pokoiniku”. Mirskaia pravoslavnaia traditsiia molenii ob umershikh (Vladimirskaia oblast') [The village custom of “walking for the dead”. The secular Orthodox tradition of prayers for the dead (Vladimir region)]. In N. Iu. Danchenkova (Ed.). *Religiozniy opyt narodnoi kul'tury: Obrazy. Obychai. Khudozhestvennaia praktika* (pp. 173–225). Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia. (In Russian).
- Fadeeva, L. V. (Compl.) (2004). Religioznye stikhi [Religious poems]. In A. N. Ivanov, & A. S. Kargin (Eds.). *Traditsionnaia kul'tura Gorokhovetskogo kraia* (Vol. 2, pp. 469–440, 575–583). Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. (In Russian).
- Goleva, T. G. (2019). Staroobriady na territorii Komi-Permiatskogo okruga [Old Believers on the territory of the Komi-Permyak district]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriia. Filosofiia. Pravo*, 1, 46–60. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.04>. (In Russian).
- Ippolitova, A. B. (2008). Religioznye stikhi: rukopisnaia traditsiia [Religious poems: handwritten tradition]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2008(3), 80–88. (In Russian).
- Iurovskaia, O. L. (Record, Notification, Ed., Intro. and Comments) (2017). *Na drevakh-ta sidiat da ptichki raiskiia...: Dukhovnye stikhi gornozavodskikh sel Cheliabinskoi oblasti: Khrestomatiia: Ucheb.-prakt. posobie* [Birds of paradise are sitting on the trees...: Spiritual

- verses of mining villages of the Chelyabinsk region: Reading book: Educational and practical guide]. *IuUrGII im. P. I. Chaikovskogo*. (In Russian).
- Iurovskaia, O. L. (2022). *Dukhovnye stikhi v pesennoi traditsii kaluzhskikh i penzenskikh peregelyad Cheliabinskoi oblasti* [Spiritual verses in the song tradition of Kaluga and Penza resettlers of the Chelyabinsk region]. *IuUrGII im. P. I. Chaikovskogo*. (In Russian).
- Ivashina, O. V. (2009). Dukhovnye stikhi na stranitsakh rukopisnykh tetradei (k probleme sootnosheniia ustnogo i pis'mennogo v fol'klore) [Spiritual verses on the pages of handwritten notebooks (on the problem of the correlation of oral and written in folklore)]. In E. V. Biteriakova (Ed.). *K. V. Kvitka i aktual'nye problemy etnomuzykologii* (pp. 112–122). *Moskovskaia konservatoriia*. (In Russian).
- Karvaleiru, A. M. (2012). Chitalki [Readers]. In I. S. Kyzlasova (Sleptsova), A. P. Lipatova, M. G. Matlin et al. *Ocherki traditsionnoi kul'tury Ul'ianovskogo Prisur'ia: Emodialektnyi slovar'*, (Vol. 2, pp. 559–602). Indrik. (In Russian).
- Khramova, N. B. (Compl.) (2008). Dukhovnye stikhi i kanty [Spiritual verses and chants]. In K. E. Korepova (Ed.). *Religiozni fol'klor v arkhive Tsentra fol'klora NNGU: ukazatel' siuzhetov* (pp. 49–238) (n. e.). (In Russian).
- Korolyova, S. Iu., & Tikhonova, M. A. (2023). Pokhoronno-pominal'nyi obriad i rol' sel'skogo ritual'nogo spetsialista u russkikh-iurlintsev [Funeral and memorial rite and the role of a rural ritual specialist among group of Russians-yurlians]. *Traditsionnaia kul'tura*, 24(1), 110–121. <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.010>. (In Russian).
- Kosiatova, S. S. (2012). *Russkie narodnye dukhovnye stikhi Kaluzhsko-Brianskogo pogranich'ia* [Russian folk spiritual poems of the Kaluga-Bryansk borderland] (Abstract of the Cand. Sci. (Art Studies) Dissertation, Tchaikovsky Moscow State Conservatory). (In Russian).
- Kulev, A. V. & Balakshina, S. R. (Eds.). (2000). *Prazdniki i obriady Cherepovetskogo raiona. Kalendarnye prazdniki i obriady. Pokhoronno-pominal'nye obriady* [Holidays and rituals of the Cherepovets region. Calendar holidays and rituals. Funeral and memorial rites] (n. e.). (In Russian).
- Kuvshinskaia, Iu. M. & Zaikina, A. A. (2022). Narodnye paraliturgicheskie traditsii v Manturovskom raione Kostromskoi oblasti: praktiki i teksty [Folk paraliturgical traditions in the Manturovsky district of the Kostroma region: practices and texts]. *Zhivaia starina*, 2022(4), 6–12. (In Russian).
- Kuvshinskaia Iu. M. & Zaikina A. A. (2023). Rukopisnaia traditsiia i narodnaia liturgicheskaia praktika v Manturovskom raione Kostromskoi oblasti [Manuscript tradition and folk liturgical practice in the Manturovo district of the Kostroma region]. In L. V. Fadeeva, & Iu. M. Shevarenkova (Eds.). *Nardnaia religioznost' v svete fol'klora* (pp. 271–301). Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia. (In Russian).
- Leete, A., & Koosa, P. (2023). The return of the Russian Orthodox Church to Komi rural communities. *Sibirica*, 22(2), 1–29. <https://doi.org/10.3167/sib.2023.220201>.
- Levkieskaia, E. E. (2018). “Otepal'nye” tetradi ukrainsev Samoilovskogo raiona: zhanrovyi sostav i puti formirovaniia [“Funeral” notebooks of Ukrainians of Samoylovsky district: genre composition and ways of formation]. *Zhivaia starina*, 2018(1), 22–25. (In Russian).
- Levkieskaia, E. E. (2019). Ukrainskie anklavy na territorii Rossii: k probleme issledovaniia lokal'nykh traditsii [Ukrainian enclaves on the territory of Russia: on the problem of studying local traditions]. In V. E. Dobrovol'skaia, & A. B. Ippolitova (Eds.). *III Vserossiiskii kongress fol'kloristov* (Vol. 4, pp. 518–530) (n. e.). (In Russian).
- Levkieskaia, E. E. (2020). Biografii religioznykh spetsialistov v mezhpokolennoi peregelyad kul'turnoi informatsii [Biographies of religious specialists in the intergenerational transmission of cultural information]. In E. E. Levkieskaia, O. B. Khristoforova, & N. V. Petrov (Eds.). *“Oskolki” v traditsii* (pp. 215–245). Neolit. (In Russian).
- Levkieskaia, E. E. (2023). Tserkovnoslavianskie bogoslužebnye teksty v strukture narodnogo “otpevaniia” [Church Slavonic liturgical texts in the structure of the folk “funeral

- service”]. In L. V. Fadeeva, & Iu. M. Shevarenkova (Eds.). *Narodnaia religioznost' v svete fol'klora* (pp. 250–270). Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia. (In Russian).
- Melnikov, I. A. (2022). Sborniki dukhovnykh stikhov staroverov i pravoslavnykh v XX–XXI vv.: ot teksta-podarka k tekstu-kopii [Miscellanies of Old Believers and Orthodox spiritual verses in 20th–21st centuries: from a gift text to a copy text]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 5(2), 73–85. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2022-5-2-73-85>. (In Russian).
- Moroz, A. B. (2022). Staroobriadcheskii sbornik dukhovnykh stikhov i vypisok iz s. Troitsa Kargopol'skogo raiona: sostav, struktura, ideologiya [Old Believers' collection of spiritual songs and church books extracts from the village of Troitsa, Kargopol District: composition, structure, ideology]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 44(5), 75–84. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.790>. (In Russian).
- Murashova, N. S. (2005). Tipy sbornikov dukhovnykh stikhov, rasprostranennykh v staroobriadcheskoi srede: po materialam ekspeditsionnykh issledovaniy [Types of collections of spiritual verses widespread in the Old Believer environment: based on materials from expeditionary research]. In V. I. Osipov et al. (Eds.). *Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost'* (Vol. 2, pp. 241–248). Muzei istorii i kul'tury staroobriadchestva. (In Russian).
- Murashova, N. S. (2020). *Staroobriadcheskii dukhovnyi stikh v kontekste kul'turno-istoricheskoi evoliutsii vnebogosluzhebного dukhovnogo peniia* [The Old Believer spiritual verse in the context of the cultural and historical evolution of extra-liturgical spiritual singing] (Dr. Sci. (Cultural Studies) Dissertation, Novosibirsk State Pedagogical University). (In Russian).
- Nikitina, S. E. (1982). Ustnaia traditsiia v narodnoi kul'ture russkogo naseleniia Verkhokam'ia [Oral tradition in the folk culture of the Russian population of Verkhokamy]. In I. D. Koval'chenko (Ed.). *Russkie pis'mennye i ustnye traditsii i dukhovnaia kul'tura (po materialam arkheograficheskikh ekspeditsii MGU 1966–1980 gg.)* (pp. 91–126). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Nikitina, S. E. (1993). Dukhovnye stikhi v sovremennoi staroobriadcheskoi kul'ture: mesto, funktsii, semantika [Spiritual verses in modern Old Believer culture: place, functions, semantics]. In G. G. Litavrin (Ed.). *Istoriia, kul'tura, etnografiia i fol'klor slavianskikh narodov. XI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: Doklady rossiiskoi delegatsii* (pp. 247–259). Nauka. (In Russian).
- Nikitina, S. E. (2013). *Konfessional'nye kul'tury v ikh territorial'nykh variantakh (problemy sinkhronnogo opisanii)* [Confessional cultures in their territorial variants (problems of synchronous description)]. Institut Naslediia. (In Russian).
- Nikitina, S. E. (2014). *Ustnaia narodnaia kul'tura i iazykovoe samosoznanie* [Oral folk culture and linguistic identity] (2nd ed.). Lenand. (In Russian).
- Panova, E. A. & Teplova, I. B. (2020). *Dukhovnye, pominal'nye stikhi i religioznye pesni v narodnoi traditsii Kardymovskogo raiona Smolenskoii oblasti* [Spiritual, memorial verses and religious songs in the folk tradition of the Kardymovsky district of the Smolensk region]. Amirit. (In Russian).
- Pashina, O. A. (2008). “Sviatye” v russkoi derevne kak sotsial'nyi institut [“Saints” in the Russian countryside as a social institution]. *Zhivaia starina*, 2008(4), 39–42. (In Russian).
- Plotnikova, A. A. (2016) *Slavianskie ostrovnye arealy: arkhaiskaia i innovatsiia* [Slavic island areas: archaic and innovative]. Indrik. (In Russian).
- Podiukov, I. A., Korolyova, S. Yu., Panteleeva, L. M., & Khorobrykh, S. V. (2020). *Slovar' mortal'noi leksiki, frazeologii i simvoliki russkikh govorov Prikam'ia* [Dictionary of mortal lexis, phraseology, and symbolism of Russian dialects of the Kama region]. Mamatov. (In Russian).

- Potekhina, E., Nitsevich, A., & Augustiak, A. (2010). Staroobriadcheskie dukhovnye stikhi iz rukopisnoi tetradi Eleny Petrovny Dikopol'skoi [Old Believer spiritual verses from the handwritten notebook of Elena Petrovna Dikopolskaya]. In M. Głuszkowski, & S. Grzybowski (Eds.). *Staroobrzędowcy za granicą: Historia. Religia. Język. Kultura* (pp. 209–222). Wydawnictwo Naukowe UMK. (In Russian).
- Pozdeeva, I. V. (2007). Komu povem pechal' moi... [To whom will I tell my sadness...]. In I. V. Pozdeeva (Ed.) *Komu povem pechal' moi: Dukhovnye stikhi Verkhokam'ia* (pp. 13–35). Danilovskii stavropigal'nyi muzhskoi monastyr'. (In Russian).
- Rozhkova, T. I. (2012). “Dusha s telom rasstavalasia...” Dukhovnye stikhi v traditsii gornozavodskikh sel Iuzhnogo Urala [“Soul and body parted...” Spiritual verses in the traditions of mining villages of the Southern Urals]. *Russkii mir. Prostranstvo i vremia russkoi kul'tury*, 7, 379–409. (In Russian).
- Prokuratova, M. A. (2018). Dukhovnye stikhi na evangel'skie siuzhety v rukopisnoi traditsii krest'ian Verkhnei Vychegdy [Spiritual verses of Evangelic stories in Upper Vychegda peasants' manuscript tradition]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018(12, pt. 3), 458–461. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.7>. (In Russian).
- Sigareva, M. N. (2018). Rukopisnye sborniki dukhovnykh stikhov kak sposob khraneniia i peredachi fol'klornogo teksta (po materialam fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsii po Altaiu) [Handwritten spiritual verses books as a way of a folklore texts preservation and transfer (based on materials of folk and ethnographic expeditions round of the Altai territory)]. *Uchenye zapiski (Altaiskaia gosudarstvennaia akademiia kul'tury i iskusstv)*, 2018(3, no. 17), 117–121. (In Russian).
- Sverlova, E. L. (2006). *Pogrebal'nye dukhovnye stikhi Saratovskogo Povolzh'ia kak otkrytaia polistilevaia zhanrovaia sistema* [Funeral spiritual verses of the Saratov Volga Region as an open polystyle Genre System] (Abstract of the Cand. Sci. (Art Studies) Dissertation, Saratov State Conservatoire). (In Russian).
- Tverdokhleby, N. V. (2017). Dramaturgiia pogrebal'nogo obriada i dukhovnye stikhi Saratovskoi oblasti [Dramaturgy of the funeral rite and spiritual poems of Saratov region]. In V. E. Dobrovolskaya et al. (Eds.). *Fol'klor Bol'shoi Volgi: Sbornik nauchnykh statei* (pp. 160–178). ROSKUL'TPROEKT. (In Russian).
- Uspenskaia, N. N. (Ed.) (2009). *Dukhovnye stikhi Permskogo kraia* [Spiritual verses of the Perm Region]. Sverdlovskii oblastnoi Dom fol'klora. (In Russian).
- Vorontsova, E. V. (2015). *Sovremennoe bytovanie dukhovnykh stikhov v srede staroobriadtsev (po materialam polevykh issledovaniy na Viatke)* [The modern existence of spiritual verses among the Old Believers (based on the materials of field research in Vyatka)] (Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation, Lomonosov Moscow State University). (In Russian).
- Zhimuleva, E. I. (2008). Pravoslavnye pesnopeniia v narodnykh pokhoronno-pominal'nykh obriadakh (na materiale sibirskoi traditsii) [Orthodox chants in folk funeral and memorial rites (based on the material of the Siberian tradition)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2008(4), 138–142. (In Russian).
- Zhulanova, N. I. (1995). Iurlintsy: russkii “ostrov” ili kontaktная zona? (O muzykal'nom fol'klоре i traditsionnoi kul'ture russkogo naseleniia Komi-Permiatskogo avtonomnogo okruga) [Yurlians: Russian “island” or contact zone? (About musical folklore and traditional culture of the Russian population of the Komi-Permyak Autonomous District)]. In T. S. Shentalinskaia, & A. S. Kargin (Eds.). *Sokhranenie i vozrozhdenie fol'klornykh traditsii, Vol. 6: Russkii fol'klор v inokul'turnom okruzhении* (pp. 77–88). Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. (In Russian).
- Zhulanova, N. I. (2001). “U ottsa da bylo u Vladimira”: dukhovnye stikhi derevni Pozh [“Father Vladimir had”: spiritual verses of the village of Pozh] *Vestnik Rossiiskogo fol'klornogo soiuza*, 2001(1), 4–7. (In Russian).
- Zhulanova N. I. (2016). Dvuiazychie v vokal'nom fol'klоре komi-permiakov [Bilingualism in the vocal folklore of the Komi-Permyaks]. In L. S. Bakshi (Ed.). *Voprosy muzykoznanii:*

Teoriia. Istorii. Metodika (Vol. 9, pp. 241–248). Moskovskii gosudarstvennyi institut muzyki imeni A. G. Shnitke. (In Russian).

Zhulanova, N. I. (2023). *Dukhovnye stikhi i molitvy v narodnoi kul'ture komi-permiakov* [Spiritual verses and prayers in the folk culture of the Komi-Permyaks]. In L. V. Fadeeva, & Iu. M. Shevarenkova (Eds.). *Narodnaia religioznost' v svete fol'klora* (pp. 215–249). Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Светлана Юрьевна Королёва

кандидат филологических наук
исполнитель проекта, Отдел
реализации внебюджетных проектов,
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва,
Ленинский пр-т, д. 32А
✉ petel@yandex.ru

**Маргарита Александровна
Тихонова**

исполнитель проекта, Отдел
реализации внебюджетных проектов,
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва,
Ленинский пр-т, д. 32А
✉ novatikho@gmail.com

Information about the authors

Svetlana Yu. Korolyova

Cand. Sci. (Philology)
Project Implementer, Department for
the Implementation of Extra-Budgetary
Projects, Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32A
✉ petel@yandex.ru

Margarita A. Tikhonova

Project Implementer, Department for
the Implementation of Extra-Budgetary
Projects, Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32A
✉ novatikho@gmail.com